

Санкт-Петербургский государственный университет

Ло Цзяхуэй

Выпускная квалификационная работа

**Древнерусские мотивы и образы в поэзии С. А. Есенина (На примере
поэм «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате»)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ. 5611. «Русская литература»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра истории
русской литературы,

Рождественская Милена Всеволодовна

Рецензент:

Ведущий научный сотрудник
федеральное

учреждение науки

«Институт русской

литературы

(Пушкинский дом)

Российской академик

наук»,

Соколова Лидия Викторовна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Причины интереса С. А. Есенина к древнерусской литературе	11
1.1. Биография. Древнерусская литература в круге чтения С. А. Есенина..	11
1.2. Общие черты поэтического мировоззрения С. А. Есенина с мировоззрениями древних славян.....	15
1.3. Художественные искания С. А. Есенина.....	21
Глава 2. Древнерусские мотивы в поэмах С. А. Есенина	28
2.1. Мотивный блок «Война».....	28
2.2. Мотивный блок «Христианство»	32
Глава 3. Древнерусские образы в поэмах С. А. Есенина	38
3.1. Образы природы и предметов в древнерусской литературе и в поэмах С. А. Есенина	38
3.2. Образы главных героев в древнерусской литературе и в поэмах С. А. Есенина	52
Заключение	76
Список использованной и цитируемой литературы.....	83

Введение

Тема генетической связи Есенинского творчества с древнерусской литературой и культурой начала привлекать к себе внимание исследователей (К. А. Кедров¹, Н. И. Прокофьев²) в 1970-1980 гг. В статье Прокофьева выявлены заимствованные лексикой, красно-цветовые эпитеты и образность из древнерусских памятников, в особенности, из «Слова о полку Игореве». Прокофьев приходит к выводу, что образность поэзии Есенина обогатила «емкая метафоричность с ее двойным зрением и библейских поэтических текстов».³

Современные исследователи (О. Е. Воронова, О. Б. Хабарова, В. В. Межебовская и Э. Б. Мекш⁴) рассматривали эту проблему в различных аспектах: древнерусских мотивов, образов и источников Есенинского творчества. В. В. Межебовская перечисляет возможные заимствованные из древнерусской литературы мотивы в ранней лирике Есенина: религиозно-библейские мотивы, мотив чаши и мотив уподобления птице человека,⁵ и определяет их функции как реминисценцию, сюжетный и тематический мотив,

¹ Кедров К. А. Образы древнерусского искусства в произведениях С. А. Есенина // Есенин и современность. М.: Современник, 1975. С. 165-180.

² Прокофьев Н. И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества: сборник статей. М., 1978. С.119-134.

³ Там же. С. 133.

⁴ Мекш Э. Б. Поэма Сергея Есенина «Марфа Посадница»: традиции русской духовной поэзии // Современное есениноведение. 2006. № 4. С. 64–73.

⁵ Межебовская В. В. Влияние древнерусской литературы на раннюю лирику С. Есенина // Актуальные проблемы современной филологии (к юбилею кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка). Оренбург: ОГУ, 2020. С. 100-109.

развернутую метафору и символ.⁶ О. Б. Хабарова сравнивает маленькую поэму «Песнь о Евпатии Коловрате» с ее древнерусским источником, показывает их общие мотивы и образы, такие как: образ смертной чаши, образ битвы как пира и мотив кровопролития.⁷ О. Б. Хабарова⁸ и О. Е. Воронова⁹ выявляют древнерусские источники Есенинских поэм. Возможными древнерусскими источниками маленькой поэмы «Марфа Посадница» являются, по мнению Хабаровой, «Новгородские летописи», «Софийская первая летопись» и «Житие святого Зосимы Соловецкого».

Несмотря на наличие немало научных работ, посвященных этой теме, в целом, они ограничиваются перечислением древнерусских мотивов и образов в Есенинской поэзии без систематического анализа и выявления механизма их функционирования. К тому же, систематическое выявление значения этих мотивов и образов предоставляет новые возможности интерпретации поэзии и обогащения художественного новаторства поэта, что и определяет **актуальность** исследования.

Научная новизна работы заключается в выявлении и систематизации всех основных древнерусских мотивов в изученных поэмах; а также в

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Хабарова О. Б. Поэма Сергея Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» (перекличка мотивов и образов) // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 222-225.

⁸ Хабарова О. Б. Древнерусские источники маленькой поэмы С. А. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 148-149.

⁹ Воронова О. Е. О малоизвестном древнерусском источнике «Песни о Евпатии Коловрате» С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2010. № 13. С. 22-25.

выявлении связей образов главных героев с древнерусскими героями и их общих характеристик.

Объектом исследования является влияние древнерусской литературы на творчество Есенина. В качестве **предмета исследования** выступают заимствованные из древнерусской литературы мотивы и образы в Есенинских поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате».

Маленькие поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфа Посадница» служат яркими примерами заимствования из древнерусской литературы мотивов и образов в поэзии Есенина. Обе поэмы относятся к раннему периоду творчества Есенина. Поэма «Марфа Посадница» была написана в 1914 г., а поэма «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» впервые была создана в 1912 г. Однако в 1925 г. поэт изменил эту поэму и опубликовал ее еще раз под названием «Песнь о Евпатии Коловрате». Предчувствуя наступающие революционные волнения, Есенин обращался к богатырским темам Древней Руси, пытался найти аналог в истории и призывал бороться за свободу. В поэмах воспеты героизм Марфы Посадницы и Евпатия Коловрата, их борьбу за вольность.

Марфа Посадница и Евпатий Коловрат являются историческими лицами Древней Руси. Согласно данным «Русского биографического словаря», Марфа Посадница – вдова новгородского посадника И. А. Борецкого. В 1471-1478 г. она как глава партии новгородских бояр возглавила битву против Ивана III за независимость города. После поражения войны, Марфа Борецкая лишилась

свободы и была выслана в Москву, затем в Нижний Новгород.¹⁰ Ее история была написана в «Софийской первой летописи», где она была изображена сбитой с толку дьяволом женщиной и желание присоединения к Литве объяснилось волей дьявола. Долгое время Евпатия Коловрата воспринимают как полупоэтического богатыря и воспевают как храброго борца. Согласно «Военной энциклопедии», в 1237/38 г. после взятия Батыем Рязани Евпатий Коловрат с 1700-летней дружиной нанес поражение монголо-татарам во Владимиро-Суздальской земле.¹¹ Он погиб в битве и его подвиги были подробно описаны в древнерусской воинской «Повести о разорении Рязани Батыем».

Вышеупомянутым поэмам присущи многие общие характеристики. Обе они представляют собой историческую поэзию и очерчивают исторические события, происшедшие в Древней Руси. В поэмах широко использованы древнерусские мотивы и образы. Поэмы объединяются и общей основной идеей поэта. В связи с этим представляется уместным анализировать их вместе и рассмотреть влияние древнерусской литературы на творчество Есенина на их материале.

Цель диссертации заключается в определении причин заимствования древнерусской литературы в Есенинской поэзии, в выявлении основных древнерусских мотивов и образов, также в определении их функционирования

¹⁰ Марфа Борецкая // Русский биографический словарь: В 25 томах. Т. 3. Бетанкуръ – Бякстеръ. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1908. С. 219.

¹¹ Евпатий Коловрат // Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 3. «Д» -- Квартирьер. М.: Военное издательство, 1995. С. 146.

в поэмах.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- Определить причины заимствования из древнерусской литературы с точки зрения биографии, мировоззрения и художественных исканий.
- Выявить заимствованные из древнерусской литературы мотивы и образы, определить их функции в маленьких поэмах.
- Сравнить образы главных героев в поэмах Есенина с образами героев древнерусских текстов и выявить их общие художественные характеристики.

Материалом исследования служат поэмы Есенина -- «Марфа посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате», и следующие памятники древнерусской литературы: «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Александра Невского» и «Софийская первая летопись».

Метод исследования. В работе используется комплексная методика исследования: интертекстуальный метод, историко-литературный метод и сравнительно-исторический метод.

Теоретическая значимость квалификационной работы определяется выявлением причин заимствования древнерусской литературы с точки зрения биографии, поэтического мировоззрения и художественного новаторства поэта, и также разработкой формы проявления древнерусской традиции в поэзии Есенина.

Практическая ценность работы состоит в возможности

использования полученных результатов в дальнейшей научной деятельности по исследованию творчества Есенина, а также в составе учебного пособия по поэзии Есенина или по истории русской литературы XX века.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении дается обзорный анализ литературы по выбранной теме, обосновывается актуальность избранной темы, обосновываются цель, задачи, объект, предмет исследования; определяются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность.

Во первая глава «Причины интереса С. А. Есенина к древнерусской литературе» выявляются принципы появления интереса поэта к древнерусской литературе с точки зрения биографии, поэтического мировоззрения и художественных исканий. Первый параграф посвящен биографии и личному кругу чтения поэта. Интерес Есенина к древнерусской литературе определяется семейной обстановкой и полученным образованием. К тому же заимствования из памятников древнерусской литературы способствовало творческому осмыслению современных событий. Во втором параграфе рассматривается поэтическое мировоззрение поэта и связь такого воззрения с древней ценностью. Выросший в деревне поэт был хорошо знаком с народной культурой и с древнерусской литературой. В связи с этим для его мировоззрения характерно сочетание православия и язычества, которые тоже находят свое отражение в древнерусской культуре. В третьем параграфе освещаются художественные искания поэта. Реалистический взгляд на мир, по

мнению некоторых поэтов, близких Есенину (Н. А. Клюев, С. М. Городецкий) в начале XX века исчерпал свои темы и образы, так что необходимо найти новые темы и обогатить русский язык. В литературе Древней Руси Есенин ищет символические образы и мотивы. Заимствование из древнерусских памятников способствует обогащению образности и расширяет семантическое поле творчества.

Во второй главе «Древнерусские мотивы в поэмах С. А. Есенина» классифицируются основные древнерусские мотивы в изученном материале и выявляется их функционирование в поэмах. Тематически заимствованные из древнерусской литературы мотивы можно условно разделять на следующие группы: мотивный блок «война» и мотивный блок «христианство». В первом параграфе рассматриваются мотивы войны и заложенные в них отношение Есенина к войне. Мотивный блок включает мотив битвы-пира, мотив смертной чаши и мотив кровопролития. С помощью таких мотивов выражается Есенинское понимание войны как страдание, борьбу за свободу и демократическое устройство общества (в «Марфе Посаднице»). Второй параграф посвящен связанной с древнерусской литературой теме христианской веры, включающей мотив противопоставления христианства язычеству, мотив небесного заступничества, мотив поражения битвы как Божье наказание и мотив самопожертвования. На основе таких мотивов создаются новые мифы – миф за справедливость и вольность, и миф о Спасителе. Анализ таких мотивов содействует раскрытию смысла поэм.

В третьей главе «Древнерусские образы в поэмах С. А. Есенина»

рассматривается трансформация образов из древнерусской литературы в Есенинских поэмах. Глава включает в себя два параграфа. Первый параграф посвящен символическим значениям природы и предметов, их функционированию в древнерусских памятниках и в поэмах. Как правило, такие образы в изученном материале выступают в качестве символа и примера для сравнения. Их функции заключаются в вызове у читателей определенного ощущения и раскрытии характеров главных героев. Во втором параграфе сравниваются Есенинские образы главных героев с героями древнерусской литературы. В ходе исследования выявлено, что Есенинские образы совпадают с традиционным представлением определенного типа персонажей, однако не являются прямым заимствованием из древнерусских памятников. Наблюдаются общие художественные приемы между ними – антитеза и типизация.

В Заключении подводятся итоги и излагаются результаты исследования.

Глава 1. Причины интереса С. А. Есенина к древнерусской литературе

В творчестве Есенина мы видим влияние не только фольклора, но и древнерусской литературы. Мотивы, образы, фразы из произведений древнерусской литературы присутствуют в произведениях Есенина, в особенности, в его маленьких поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате». Выявление причин его интереса к средневековой словесности способствует углублению понимания художественного своеобразия творчества Есенина.

1.1. Биография. Древнерусская литература в круге чтения С. А. Есенина

С. А. Есенин вырос в деревне, потом учился в церковно-учительской школе и университете. Деревенская жизнь познакомила будущего поэта с народной культурой, а учеба в школе и в университете – с церковнославянским языком и древнерусскими памятниками.

Есенин вырос в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губернии и Рязанского уезда. С двух лет из-за семейной бедности он был отдан на воспитание зажиточному деду по линии матери. Жизнь в деревне предоставила мальчику прекрасную возможность знакомиться с народной культурой и мифологией. Рязанская земля была полна легендами и историями. Дом деда находится недалеко от того места, где произошла битва татар с Рязанцами в 1237 г. Вот как об этом говорится в «Повести о разорении Рязани Батыем». В связи с этим, будущий поэт в детстве уже был знаком с легендами о Евпатии Коловрате. В автобиографии Есенин вспоминал, что в детстве

нянька часто ему рассказывала сказки и дед ему пел песни старые, тягучие и заунывные.¹² Знание народной культуры способствовало пониманию и восприятию поэтом древнерусской литературы.

Систематическое знание о средневековой словесности Есенин получил в школе и в университете им. А. Л. Шанявского. Первый вариант поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» был написан в 1912 г., а поэма «Марфа Посадница» – в 1914 г., т. е. обе поэмы созданы в Есенинские школьные и университетские годы. Итак, несомненно, полученное образование сильно сказалось на создании этих поэм.

В 1909-1912 г. Есенин учился в Спас-клепиковской второклассной учительской школе, которая была направлена на подготовку учителей сельских начальных училищ и церковно-приходской школ. В учебную программу входили как церковные дисциплины (закон Божий, церковнославянский язык и др.), так и общеобразовательные (история, русская словесность и др.). Благодаря школьной программе, Есенин владел церковнославянским языком, что он считал самым ценным в школьной жизни.¹³ Согласно учебной программе он читал древнерусские тексты в учительской школе, такие как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Житие Сергея Радонежского», библейские тексты и другие памятники.¹⁴

¹² Есенин С. А. Пол. собр. соч.: в 7 томах. Т. 7. Книга 1. М., 1995. С. 15.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Прокофьев Н. И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества: сборник статей. М., 1978. С.122.

В 1913-1915 г. Есенин поступил вольнослушателем в историко-философское отделение Московского народного университета им. А. Л. Шанявского. В учебный план историко-философского цикла вошли дисциплины «Общего курса истории Средних веков», часть дисциплины «Общего курса Средних веков» и лекция «Древнерусская литература в связи с устной народной».¹⁵ В университете Есенин изучал историю Средних веков, узнал новгородской посадницы Марфы Борецкой и познакомился с древнерусскими памятниками, которые стали основными материалами для создания поэмы «Марфа Посадница». Под влиянием этого сюжета русской истории и предчувствием революции Есенин создал поэму «Марфа Посадница» в 1914 г., еще в его студенческие годы.

Есенин и самостоятельно продолжал читать древнерусские произведения. В личной библиотеке поэта сохранился сборник «Древнерусские повести и романы», в котором находились следующие древнерусские повести XVII в.: «Слово о Бове», «Троянские сказания», «Девгениево Деяние», «Соломон и Китоврас», «Повесть о Дмитрие Басарге», «Повесть о Горе-Злосчастии» и «Судное дело у Леща с Ершом», то есть, «Повесть о Ерше Ершовиче».¹⁶ Итак, Есенин имел широкое представление о древнерусских произведениях, чьи мотивы и образы потом были

¹⁵ Москва. 1912-1915. // *Летопись жизни и творчества Есенина С. А.: В 5 томах. Т. 1. 1895-1916 / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 592-595.*

¹⁶ *Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: материал международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресс, 2006. С. 341.*

заимствованы в маленьких поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате».

Среди всех древнерусских произведений, на мотивно-образный комплекс Есенинских поэм больше всего влияние оказали следующие древнерусские памятники: «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Такие мотивы в поэмах, как мотив битвы-пира, мотив смертной чаши, мотив кровопролития и др., были заимствованы именно из этих древнерусских памятников. Разумеется, этими источниками не исчерпывается влияние на поэта других источников, прежде всего народной поэзии, в частности, богатырского эпоса, языческой мифологии. Борьба с дьяволом известна по древнерусским переводным апокрифам, мотив кровавой битвы как пира также был внесен в древнерусские произведения из архаических представлений, отразившихся и в фольклоре. Различные символы из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» также были использованы Есениным в этих двух поэмах.

К тому же, Есенин хорошо знал не только сюжет названных средневековых произведений, но и почувствовал их поэтику. В лекциях «Древнерусская литература в связи с устной народной», читавшегося М. Н. Сперанским, кроме о переводной и оригинальной литературе, рассказывалось о древнерусском литературном языке.¹⁷ Таким образом, поэтика древнерусской литературы тоже могла быть знакома Есенину. В

¹⁷ Москва. 1912-1915. // Летопись жизни и творчества Есенина С. А.: В 5 томах. Т. 1. 1895-1916 / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 594.

вышеупомянутых поэмах применяет символистические мотивы и бинарность в создании образов, которые характерны для средневековой книжности.

1.2. Общие черты поэтического мировоззрения С. А. Есенина с мировоззрениями древних славян

Если учебные программы знакомили поэта с средневековой книжностью, то интерес к древнерусской письменности и ее использование в творчестве в значимой степени объяснялись сходным миропониманием и ценностной системой между поэтом и Древней Русью. Используемые мотивы и образы позволяют сопоставить поэмы Есенина с древнерусскими памятниками и раскрыть скрытые смыслы поэм. Общими чертами поэтического миропонимания между ними можно назвать следующие: христианско-языческое двоеверие и бинарное мышление

Христианско-языческое двоеверие. В религиозном веровании Есенина наблюдаются как христианское начало, так и языческое, которые были присущи народному религиозному сознанию. Как уже отмечала О. Е. Воронова, народная вера отличается собственным синкретизмом, т. е. в народном религиозном сознании ортодоксальное вероучение часто сочетается с элементами язычества.¹⁸ Такой вид смешения А. Н. Афанасьев, например, объяснял тем, что несмотря на то, что в конце X в. Русь приняла христианство, языческие верования и обряды были слишком устойчивы, чтобы сразу

¹⁸ Воронова О. Е. Творчество С. А. Есенина в контексте традиций русской духовной культуры: дис. ... д. филол. наук. М., 2000. С. 22.

прекратить свое бытование в народе. Постепенно произошло смешение языческих преданий и обрядов с христианским.¹⁹ Языческие праздники, например, такие как Масленица, Радуница и праздник Ивана Купалы, отмечают в России и до сих пор. К тому же, из-за традиционного образа жизни деревни в Средней полосе России в начале XX века сохранилось больше народных традиций и обрядов, чем в городах.

Есенин принял передаваемое из поколения в поколение христианско-языческую «двоеверную» традицию. С детства перед будущим поэтом открылся мир религиозной жизни русского народа, в центре которой находилось православие. Под влиянием окружающих поэт с малых лет уже хорошо знал правила и принципы христианской жизни. Бабушка поэта была религиозной. Она часто водила внуку в Радовецкий монастырь, который стоял от их дома верстах в 40. По субботам и воскресеньям дед ему рассказывал по Библии Священную историю. Вместе с тем, дома принимали увечных, поющих по селам духовные стихи. В церковно-учительской школе также преподавали церковные дисциплины и от учеников требовали участия в богослужениях. Выросший в такой обстановке, Есенин с ранних лет проявлял интерес к христианским ценностям. Кроме этого, на формирование миропонимания поэта оказало влияние и язычество, которое заложено в деревенских нормах и обрядах. Маленький поэт воспринимал часть языческого верования и потом выражал ее в своем творчестве. Таким образом,

¹⁹ *Афанасьев А. Н.* Поэтическое воззрение славян на природу: В 3 т. Т. 3. М.: Современный писатель, 1992. С. 601.

в миропонимании Есенина отразились христианское и языческого начала.

Христианскими ценностями были проникнута средневековая книжность, в особенности агиография, поучения, библейские апокрифы и духовные стихи. Народному религиозному сознанию свойственна утопичность, мечта о справедливом идеальном Царствии Божьем, что отразилось в Есенинской малой поэме «Русь», написанной в 1914 г., в которой изображается идеальная страна, построенная по Божьему закону.

Исторические события на Руси воспринимались древнерусскими книжниками как отражение событий Священной истории. Известно, что для характеристики какого-либо персонажа или события средневековый автор прибегал к аналогии, и находил ее в поступках персонажей Ветхого и Нового Заветов. Таким образом русская история воспринималась как часть Священной истории. Так, например, в русской средневековой литературе отражалось традиционное христианское понимание войны. Война в древнерусской литературе понималась как нарушение Божьего миропорядка и вызывалась грехами людей, прежде всего, князей. Поражение в битве воспринималось как Божье наказание, а победа – как его помощь. Такие представления также совпадали с Есенинским отношением к войне. Итак, размышляя над революцией и войной, Есенин нередко обращался к средневековой книжности. В 1910 гг. он писал три маленьких поэмы, связанные с Русью и древнерусской литературой: «Русь», «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфа Посадница». В поэме «Русь» война воспринималась прежде всего как страдание всего человечества, поэтому звучал призыв о необходимости поддерживать друг

друга в такое тяжелое время. Традиционное христианское понимание и рассмотрение войны как противоборства божественных и сатанинских сил ярко выразилось в поэме «Марфа Посадница», а в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» звучит богатырская тема русской силы и доблести, а также осуждение греховности человека. Перекликаясь с средневековой письменностью, поэмы приобретали дополнительный актуальный смысл. Итак, Есенин принимал не только христианские ценности, но и православное истолкование исторических событий.

Языческое начало тоже присутствует в поэтическом понимании Есенина 1910-х гг., хотя лишь занимает второстепенное место по значимости. После Крещения Руси язычество не вдруг исчезло и часть из языческого верования сохранилась у народа. В язычестве предметом культа становятся солнце, луна, звезды и природы. Народный культ солнца совмещается с культом христианского Бога. Луна «освещает путь» человека, а звезды связаны с судьбой, рождением и смертью.²⁰ Кроме вышеупомянутых богов, славяне создали целый пантеон богов. Следы язычества мы наблюдаем и в средневековой письменности. Характерным примером является знаменитое «Слово о полку Игореве». Перед выступлением в поход князи Игоря на половцев 1 мая 1185 г., как мы знаем из летописи, произошло солнечное затмение, символизирующее будущее поражение полка. Игнорировав злые предзнаменования, Игорь-князь отправился в поход на половцев. На пути к Дону «солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц

²⁰ Попович М. В. Мироззрение древних славян. Киев, 1995. С. 81-82.

пробудила, свист звериный поднялся, востепенулся Див, кличет на вершине дерева»²¹. Исследователи полагают, что в данном тексте Див – это некое существо, скорее всего, птица, связанная с языческой мифологией.²² В «Слове» природа предстает действующим лицом. Она символизирует и истолковывает события похода, двух битв, поражения Игоревой дружины, бегство князя из половецкого плена. В Есенинской поэзии мы так же встречаем элементы древнего культа солнца, месяца и звезд. Например, в маленькой поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» звезды наблюдали за нашествием татар на Рязань и тревожились о судьбе города. И это выражено в народно-былинном стихе²³:

Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-польмя:
Чтой-то Русь захолинулася,
Аль не слышит лязгу бранного?

Согласно народному языческому верованию, звезды тесно связаны с судьбой человека и «падение звезд» рассматривается как предзнаменование смерти определенного человека²⁴, на основе чего развивается Есенинский образ звезд, которые взглянули на землю, следили за судьбой Рязанцев и предсказали

²¹ Слово о полку Игореви // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 257.

²² Див // Энциклопедия «Слова о полку Игореви»: В 5 томах [Электронный ресурс] // ФЭБ – Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» – [СПб], 2002. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/> (дата обращения: 27.03.2022)

²³ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 175.

²⁴ Попович М. В. Мироззрение древних славян. Киев, 1995. С. 97.

разорение города. С язычеством связываются и заимствованные из древнерусской литературы в поэмах образы молнии и вихри, которые мы будем подробно рассматривать в третьей главе. Кроме этого, языческие традиции у Есенина выражаются через элементы соответственных языческих обрядов. Исполнители языческих ритуалов – маги и колдуны, отражаются в Есенинской поэзии. Так, в маленькой поэме «Песнь о Евпатии Коловрате»: *«Ой, не колоб в поле катится / На позов колдуньи с Шехмина, — / Проскакал ездок на Пилево, / Да назад опять ворочает.»*²⁵

Бинарное мышление. В древнерусской литературе и в мировоззрении древних славян мир разделен на духовное и материальное начала, человеческое и божественное начала, вечность и временность, жизнь и смерть...²⁶ Противостоянием двух начал проникнуты почти вся средневековая письменность. В воинской повести «Повесть о разорении Рязани Батыем» ощущается резкая напряженность между двумя сторонами: свое и чужое, добро и зло, христианство и безбожие... Рефлексия бинарности художественного мышления и древнерусской литературной традиции наблюдается в Есенинской поэзии, в особенности, в маленьких поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате», в которых противопоставлены Христос и Антихрист, христианство и язычество, грех и добродетель, свое и чужое... В этих двух поэмах бинарное мышление сильно сказалось на принципе создания образов главных героев, т. е., поэт резко разделял главных

²⁵ Там же. С. 177.

²⁶ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 120-121.

героев на две группы и наделял их противоположными характерами. В поэме образ Марфы Посадницы – защитница вольности Новгорода. Она предстает в окружении ангелов и голубя – символа святого Духа. Они приносили ей письмо от самого Бога... В образе Марфы Посадницы были заложены христианское начало и добродетель. В отличие от нее князь Иван III предстает носителем злого, антихристианского начала и греха. Московский царь совершил сделку с Антихристом и продал свою душу. Он напал на Новгород, что привело к смерти много людей, и даже послал «сватать неучтивых семей». Таким образом, Марфы и Иван III у Есенина воплощают оппозицию Христа и Антихриста, добра и зла.

1.3. Художественные искания С. А. Есенина

Широкое заимствование древнерусских мотивов и образов Есениным соответствует художественным исканиям писателей в начале XX века. Это был кризис реалистических традиций, уход в мистику, богоискательство, поиски иных идеалов, опора на чужие культуры Запада и Востока. Реализм, по мысли некоторых авторов, исчерпывал свои темы и образы, утратил свое значение, чем была обусловлена необходимость обновления литературного языка и методов творчества. В то же время философии Шеллинга, Шопенгауэра, Ницше и В. С. Соловьева пользовались популярностью среди писателей и поэтов, и центральное место в творческом сознании тогдашних писателей занимает сам человек. Итак, на смену реализма приходил модернизм, который развивался под влиянием западноевропейской философии и стремился к обогащению

литературного языка. Одним из крупнейших течений модернизма был символизм, который возник в 1890-е гг. и существовал в качестве основного течения нового направления до начала 1910-х гг.

Несомненно, Есенин познакомился с принципами этого направления. Еще в школьные годы он начал писать стихи и читал современных поэтов. Н. Р. Изряднова вспоминала, что в 1913 г. Есенин часто приходил к ней и спорил с ее мужем «о Блоке, Бальмонте и других современных поэтах».²⁷ Из всех современников, Есенин потом признал в своей автобиографии, что его больше всего привлекали Блок, Андрей Белый и Клюев.²⁸ Под влиянием символистов, он формирует свой поэтический мир и круг эстетических предпочтений. Широкое заимствование из древнерусской литературы мотивов и образов в творчестве Есенина объясняется не только его склонностью к средневековому мировоззрению, но и самой природой древнерусской литературы. Средневековый человек стремился в исторических событиях видеть их божественное и духовное начало, выявить заложенную в них божественную волю. В связи с этим, в средневековой книжности мотивы и образы часто имеют материальные и духовные смыслы. Такие мотивы часто становились устойчивыми символами. Помимо использования символов, как отмечал Д. С. Лихачев, в средневековой словесности существует и стремление

²⁷ Летопись жизни и творчества Есенина С. А.: В 5 томах. Т. 1. 1895-1916 / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева [Электронный ресурс] // ФЭБ – Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» – [СПб], 2002. – URL: <http://feb-web.ru/feb/esenin/el-abc/el1/el1.htm> (дата обращения: 27.03.2022)

²⁸ Есенин С. А. Пол. собр. соч.: в 7 томах. Т. 7. Книга 1. М., 1995. С. 20.

к символическому истолкованию истории через события Ветхого.²⁹ Вместе с тем, фольклорные мотивы, отражающие прежде всего явления природного мира, встречаются во многих произведениях литературы Древней Руси, которая не связана с богослужебной практикой или богословскими толкованиями текстов священного Писания.

Согласно представлениям древних славян, каждое природное явление имеет определенное религиозное значение и позволяет человеку заглянуть в сверхъестественный мир. В средневековой литературе нередко описывались такие явления природы, дающие предсказание будущего, как затмение солнца, ветер, заря, явление кометы, природные стихийные бедствия... В «Слове о полку Игореве» перед выступлением в поход на половцев князя Игоря в небе произошло затмение солнца, символизирующее Божью кару за человеческие грехи. В данном случае автор имел в виду междукняжеские войны. Образ солнечного затмения связал историческое событие (поход князя Игоря на половецкую степень) с божественной волей, показал отрицательное отношение автора к походу Игоря и выявил причины поражения – дробление Руси и стремление Игоря к личной славе без учета интересов Руси. Образы некоторых животных превратились также в символы и были использованы в средневековой письменности для демонстрации характеров персонажей. Например, в воинской повести «Задонщина» в эпизоде битвы русских воинов ханом Мамаем также встречаем название птиц, символизирующих русских воинов: *«И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь*

²⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 157.

*не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско»*³⁰ В данном фрагменте соколы символизируют русских дружинников. Использование такого символа раскрывает храбрость русского полка.

В средневековой письменности становятся символами не только явления природы, животные, растения и предметы, но и сам мотив. В мотиве средневековой словесности тоже заложены божественный смысл и Божья воля, показательным примером чего служит воинская повесть «Повесть о разорении Рязани Батыем». В ней использованы постоянные эпитеты для определения характеров русских князей и Батыя: русские князи «благочестивые», а Батый «безбожный», «нечестивый» и «окаянный». В связи с этим нашествие Батыя на Рязань воспринималось как противостояние христиан и язычников, на основе чего каждый мотив в произведении обладал божественным смыслом. Междоусобие княжеств, отказ князя Георгия Всеволодовича Владимирского от помощи нарушали закон единства княжеского рода перед лицом врага и символизировали грех русских. Поражение битвы и разорение Рязани понимались как наказание Бога за грехи русских. Мотив испития чаши смертной повторяется семь раз в Повести и представляет собой символ искупления греха через смерть.

Итак, в средневековой письменности широко применялись символы, что было близко и символистскому течению на рубеже XIX-XX вв. Заимствование

³⁰ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 115.

мотивов и образов из древнерусских памятников не только придали поэмам автора дополнительный христианский смысл, но и позволяло выступить в диалог с средневековой письменностью и раскрыть потенциальные значения этих смысловых ассоциаций.

Есенин заимствовал символы из древнерусских памятников в обеих поэмах. Его любимыми символами служили природные явления и предметы, животные: месяц, звезды, волк, сокол... Заимствованные из древнерусской литературы образы мы будем подробно рассматривать в третьей главе. Здесь приводим лишь один показательный пример для иллюстрации его интереса к древнерусскому символу. Например, в начале поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» были использованы образы совы и волка:

Не совиный ух защурился,
И не волчья пасть оскалилась,—
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.

В христианстве образы совы и волка носят отрицательные значения. Сова является «символом чародейства и темных сил»³¹, а волк — символом дьявола и ереси.³² Применение таких символов подчеркивало языческое, антихристианское начало в образе Батые и превратило главный конфликт в поэме в широкий распространенный в средневековой словесности конфликт христианства и язычества, о чем свидетельствовало и название поэмы в первой редакции «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе». Уже в этом названии мы

³¹ Сова // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 263.

³² Волк // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 178.

видим соединения фольклорных и книжных (точнее, евангельских) образов. Именно на религиозной основе поэт создал эту поэму, в которой задавался вопросом о русском народе и «русской силе».

Есенин не только заимствовал образы из древнерусских памятников, но и использовал сходные мотивы для создания собственных мифов и для выражения своего размышления о тогдашней злободневной проблеме, что будет рассмотрено рассматривать во второй главе. Здесь только приведем поэму «Песнь о Евпатии Коловрате» в качестве примера. В поэме наблюдаются сходные мотивы с воинской повестью «Повесть о разорении Рязани Батыем». Расхождение только заключается в том, что грехи русских в воинской повести – это отсутствие единства, правда, не столь определенного, как в «Слове о полку Игореве», а в поэме – бражничество. Для выражения размышления о современном русском грехе Есенин специально изменил образ и судьбу дружины. В отличие от воинов-защитников города в «Повести о разорении Рязани Батыем», которые названы благоверными и мудрыми, дружина в поэме изображается пьяницами. В Есенинской поэме Евпатии Коловрат уговаривал дружину-бражников: «Ой ли, други закадычные, / Вы не пейте зелена вина, / Не губите сметку русскую»³³, но не мог уговорить. Бражничество является запретом в христианстве и воспринимается как прегрешение человека. Вместо того, чтобы после битвы дружина была отпущена Батыем, в Есенинской поэме все воины погибли и полегли под татарскими саблями. Гибель русской

³³ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 178.

дружины становится здесь наказанием Бога за ее прегрешение – разгульное нехристианское поведение и пьянство. Бражничество, как показано в поэме, вредит русской душе и русской силе, в результате чего русская сила лишь «на тыновье загодилася».³⁴

Итак, ранние стихотворения Есенина созданы отчасти под влиянием символизма и русской средневековой книжности. Используемые Есениным фольклорные и литературные мотивы и образы придали его поэмам дополнительное религиозное значение и позволили поэту включить их в современные актуальные социальные проблемы на христианской основе.

³⁴ Там же. С. 180.

Глава 2. Древнерусские мотивы в поэмах С. А. Есенина

В данной работе мы опираемся на определение «Словаря литературоведческих терминов» к термину «мотив». Согласно Словарю, мотив является «минимальным значимым компонентом повествования, простейшей составной частью сюжета художественного произведения».³⁵

Согласно мнению Б. В. Томашевского, мотив соотносится с темой, что позволяет разделить мотивы по теме. По результатам нашего исследования, в поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрат» присутствуют всего семь соотносимых с древнерусской литературой мотивов, которые можно условно разделить на два мотивных блока по теме: мотивный блок «война» и мотивный блок «христианство».

2.1. Мотивный блок «Война»

Мотивный блок «Война» включает в себя всего три мотива: мотив битвы-пира, мотив смертной чаши, мотив кровопролития. Такие мотивы как устойчивые семантические элементы дают возможность понимать отношение Есенина к войне и к главным героям.

Мотив битвы-пира. Мотив битвы-пира происходит от языческого сознания. Мотив битвы-пира характерен для такого жанра древнерусской литературы как воинская повесть. Самым известным примером является следующее предложение из «Слова о полку Игореве»: *«Тут кровавого вина не*

³⁵ Мотив // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: «Просвещение», 1974. С. 226.

*хватило, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.»*³⁶ Правда, в «Слове» мы встречаемся с мотивом ритуального пира одновременно погребального и свадебного. Глагол прошедшего времени «полегли» за землю Русскую имеет и эротический смысл, связанный с женитьбой. На основе мотива войны-пира создается целая картина, где кровь воинов сравнивается с кровавым вином, а гибель в бою – с пьянством. Пример показывает то, что функция мотива битвы-пира заключается в демонстрации жестокости битвы и храбрости воинов. Мотив войны-пира повторяется два раза в поэме «Марфа Посадница» и использован в создании образа московского князя Ивана III. Перед войной московский царь сообщает жене: *«А и будет пир на красной браге!»*³⁷ Красный цвет ассоциируется с кровью, таким образом, пир на красной браге является метафорой кровавой войны. Аннотация московского царя дает намек на то, что он долго ждет этой сечи и будет ей наслаждаться. Соответственно, в письме от Бога к Марфе Борецкой утверждается то, что царь на «кровавой гульбе» продал душу свою демону (*«Как московский царь на кровавой гульбе / Продал душу свою антихристу...»*³⁸). Здесь война-гульба выступает в качестве вариации мотива войны-пира, но более подчеркивает зло царя и его наслаждение к кровавой игре. Повтор данного мотива раскрывает кровожадность и

³⁶ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 259.

³⁷ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 9.

³⁸ Там же. С. 10.

демоническое начало Ивана III.

Мотив смертной чаши. Мотив смертной чаши тесно связан с мотивом битвы-пира. В средневековой письменности формируются многие разные вариации битвы-пира. Например, разбитие врагов уподобляется угощению («Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод!»)³⁹, а гибель – испитию чаши смертной («Все заодно погибли, и одну на всех чашу смертную испили.»)⁴⁰ Данный мотив присутствует во всех воинских повестях, в особенности, в «Повести о разорении Рязани Батыем». В Повести он повторяется семь раз и использован для воспевания героического самопожертвования героев («Лучше нам смертью вечной жизни достигнуть, чем быть во власти язычников. И я, брат ваш, прежде вас изопью чашу смертную за святые Божий церкви, и за веру христианскую...»⁴¹) Мотив смертной чаши наблюдается в конце поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате». После смерти богатыря, по приказу хана из его черепа сделана чаша («Отешите череп батыря / Что ль на чашу на сивушную»⁴²). В поэме данный мотив перекликается со средневековой словесностью и раскрывает суть гибели богатыря – самопожертвование и искушении прегрешения людей через свою смерть. Евпатий Коловрат пришел в Рязань для спасения жителей и его

³⁹ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 117.

⁴⁰ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 143.

⁴¹ Там же.

⁴² Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 179.

смерть вполне может быть рассмотрена как жертвование собой ради чужих. Кроме этого, вопреки уговору Евпатия, дружина перепилась и полегла на поле сражения, поэтому гибель богатыря тоже является своего рода искушением прегрешения.

Мотив кровопролития. Данный мотив присутствует во всех воинских повестях. Со одной стороны, мотив кровопролития является литературным этикетом воинской повести для того, чтобы раскрыть такие качества в образе врагов, как жестокость, немилость и кровожадность. С другой стороны, мотив отражает своеобразное понимание войны древних славян. В христианстве война понимается как нарушение Божественного закона единства и любви, которое приносит человечеству горе и печаль. Итак, битва в воинских повестях воспринимается как страдание всего человечества. В воинской повести нередко описываются злодеяния врагов. К примеру, в «Повести о разорении Рязани Батыем» царь-Батый уничтожил целый город и убил всех жителей. Особенная страшная картина изображается в «Слове о полку Игореве»: *«На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела.»*⁴³ Здесь битва, война изображена уже как противопоставление мирному земледельческому труду. Сходные сцены наблюдаются в обеих поэмах Есенина. В поэме «Марфа Посадница» московский царь заявляет: *«Всем подушки голов растелю в овраге»*⁴⁴, т. е. хочет

⁴³ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 265.

⁴⁴ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 9.

убить всех новгородцев беспощадно. Соответственно, в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» три раза описывается страдание рязанцев. Злые татары уничтожают город и течет кровь везде («*Ой, текут кровя сугорами, / Стонут пасишные пажити, / Разыгрались злы татаровья, / Кровь полониками черпают.*»⁴⁵) Кровожадные татары «подгоняют полоняников, ставят вехами головушки».⁴⁶ Здесь Есенин обращает внимание на простых людей. Очевидно, для поэта война обозначает смерть бесчисленных людей и страдание всех граждан. Изображение страшного зрелища после войны способствует выражению сочувствия простым людям.

2.2. Мотивный блок «Христианство»

Тема христианской веры тесно связана с представлением об истории. Она разворачивается в поэме при помощи следующих мотивов: мотив противопоставления христианства язычеству, мотив небесного заступничества, мотив поражения битвы как Божье наказание и мотив самопожертвования.

Мотив противопоставления христианства язычеству. Мотив наблюдается во всех изученных воинских повестях. Как показано в первой главе, популярность этого мотива определяется тем, что в древнерусской литературе русские персонажи часто изображаются как христиане, а враги – как язычники, на основе чего война воспринимается как борьба за

⁴⁵ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 175.

⁴⁶ Там же. С. 177.

христианскую веру. Недаром не раз русские князи призывают воевать за веру и свою родину: «*И я, брат ваши, прежде вас изопью чашу смертную за святые Божий церкви, и за веру христианскую...*»⁴⁷, «*Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, и за веру христианскую...*»⁴⁸ и др. В этом смысле, война между христианами и нехристианами может быть интерпретирована как конфликт православной веры и язычества или безбожия. Именно на основе этого мотива создаются сюжеты поэм «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате». В поэме «Марфа Посадница» четко показано, что героиня стоит на стороне Христа, а московский царь становится спутником Антихриста из-за его сделки с дьяволом. В другой поэме контраст христианства и язычества выражается противостоянием образов главных героев – Евпатия Коловрата и Батыея. Несомненно, отказывая от бражничанья и живя по Божьим законам, Евпатий Коловрат является верным христианином, а Батый, как кровожадный, лютый и распутный завоеватель, – нехристом.

Мотив небесного заступничества. Данный мотив тоже нередко встречается в средневековой письменности и наблюдается в всего четырех выбранных нами древнерусских текстах: в «Сказании о Глебе и Борисе», «Житии Александра Невского», «Сказании о Мамаевом побоище» и «Слове о полку Игореве». Бог оказывает помощь верующим. Мотив часто выражается описанием Божьего чуда. В «Житии Александра Невского» описывается такое

⁴⁷ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 143.

⁴⁸ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 109.

дивное чудо: после победы войск Александра над шведами в том месте, где битвы не было, оказались трупы врагов, побитые ангелами. Подобное чудо наблюдается и в «Слове о полку Игореве»: в сцене бегства князя из плена Бог указывает князю-Игорю путь на землю Русскую. Этот мотив встречается в обеих Есенинских поэмах. В поэме «Марфа Посадница» о судьбе героини заботятся ангелы и Христос. Слушая голос героини, ангелы откроют окна келий и внимательно прислушиваются к ее разговору. Христос тоже «своей верной рабе» пишет письмо, в котором объясняется ситуация и дается совет. Несмотря на отсутствие прямого описания этого мотива во второй редакции, в первой редакции поэмы – «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» подробно описывается помощь от Бога. Богородица просит сына своего помочь Руси («И шумнула мать пелегану: / «Ой ты, сыне мой возлюбленный, / Помути ты силу вражью, / Соблюди Урუსь кондовую»») ⁴⁹ и Бог распоряжается хищникам рвать татар («За пожнёвые утырины, / На укрепления ли козельские.») ⁵⁰

Мотив поражения битвы как Божье наказание. В христианстве из-за собственных прегрешений человечество наказано Богом и война неизбежно закончится трагедией. С этим мотивом встречаемся в «Повести о разорении Рязани Батыем» и в «Слове о полку Игореве». Например, этот мотив четко выражается в следующем предложении из «Повести о разорении Рязани

⁴⁹ Есенин С. А. Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С.199.

⁵⁰ Там же.

Батыем»: *«Ни один из них не вернулся назад, но все вместе мертвыми легли. И все это Бог наслал за грехи наши»*.⁵¹ Выражение «за грехи наши» даже повторяется пять раз в этой повести. В обеих воинских повестях под человеческим прегрешением понимается княжеская непокорность и разрозненность между князьями. Цель использования мотива заключается в призыве организации жизни по Божьему закону и объединении всех княжеств в единстве для сохранения отечества. Следуя за древнерусскими памятниками, в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» также объясняется разгром дружинников их грехом – бражничеством. Соответственно, в поэме «Марфа Посадница» в фразе героини (*«Грамотой московскою извольно повелено / Выгомонить вольницы бражные загулы!»*⁵²) читаем разгульный образ жизни Новгородцев, что является причиной Божьего наказания и поражения битвы. Как в древнерусской письменности, функция использования этого мотива в обеих поэмах заключается в уговоре отказа от бражничества и соблюдения Божьего закона.

Мотив самопожертвования. Мотив связан с евангельской темой – Христос жертвовал собой ради всего человечества. Мотив встречается в «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщине» и «Сказании о Борисе и Глебе». Обычно в этих текстах русские князи добровольно выбирают воевать за родину и погибать на поле сражения. Как показано в предыдущем параграфе,

⁵¹ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 145.

⁵² *Есенин С. А.* Марфа Посадница // *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 7.

с этим мотивом связывается мотив смертной чаши. В «Повести о разорении Рязани Батыем» во фразе князя Юрия Ингоревича выражается его желание самопожертвования ради веры и княжества: *«И я, брат ваш, прежде вас изопью чашу смертную за святые Божьи церкви, и за веру христианскую, и за отчину предка нашего Игоря Святославича!»*⁵³ Как и князь Юрий Ингоревич, другие рязанские князья и воины тоже добровольно испили «чашу смертную» при защите города. Данный мотив ярко выделяется в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате». По сравнению с биографией богатыря в «Повести о разорении Рязани Батыем», история Евпатия Коловрата подвергается изменению таким образом, чтобы его действие более соответствовало представлению о самопожертвовании. После разорения города, рязанцы становятся пленниками. От того, что татары обращаются с ними беспощадно и заставляют их работать непрерывно, рязанцы отправили Евпатию Коловрату письмо и попросили его выручить «Русь от лихости». Таким образом, приход богатыря в Рязань превращается в поход на спасение жителей города. Его гибель вполне может быть интерпретирована как самопожертвование ради рязанцев.

С помощью мотивов данного блока создаются собственные мифы Есенина: миф о революции в «Марфе Посаднице» и миф о Спасителе в «Песни о Евпатии Коловрате». В поэме «Марфа Посадница» миф о революции создается с помощью мотива противопоставления христианства язычеству, мотив небесного заступничества, мотив поражения битвы как Божье наказание

⁵³ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 143.

и мотив сделки с дьяволом. Из-за сделки врага с дьяволом и прегрешения новгородцев бунт Марфы обречен на поражение. В данном случае предсказывается победа для бунтовщиков: окончание срока действия демонической сделки и Божья помощь. В связи с этим, Марфин завет вполне может быть рассмотрен оправданием предстоящей революции в начале XX века – четыреста лет после Московско-новгородской войны. В поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» с помощью мотива самопожертвования создается миф о Спасителе, который мы будем подробно рассматривать в следующей главе.

Соединение всех вышеупомянутых мотивов способствует раскрытию смысла поэм. В обеих поэмах наблюдаются мотив противопоставления христианства, мотив небесного заступничества и мотив поражения битвы как Божье наказание. Широкое использование этих мотивов отражает то, что Есенин принимает христианскую интерпретацию исторического процесса, т. е. война воспринимается как борьба христианства с язычеством, христианами с Антихристом. История определяется Божьей волей. В случае нарушения Божьего закона сражение неизбежно закончится поражением. В поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» подробно объясняется, как бражничество вредит русской душе и ослабит силу. Поэтому следование божественным заповедям необходимо для победы. Кроме этого, как показано выше, в поэме «Марфа Посадница» создается новый миф – Марфин завет. Именно этот завет связывается прошлое с настоящим. Уже минуло четыреста лет и появится выгодный случай для бунтовщиков, в связи с этим лирический герой призывает к исполнению Марфина завета и к революционному

сопротивлению насилию и подчинению чужой воле.

Глава 3. Древнерусские образы в поэмах С. А. Есенина

В Есенинских поэмах были заимствованы из древнерусской литературы образы природы и предметов. Кроме этого, Есенинские образы главных героев тоже тесно связываются с определенными типами персонажей в древнерусских памятниках.

3.1. Образы природы и предметов в древнерусской литературе и в поэмах С. А. Есенина

В Есенинских поэмах присутствуют всего шесть заимствованных из древнерусской литературы образов природы и предметов – образ волка, образ сокола, образ ковыля, образ молнии, образ вихря и образ колокола. Такие образы часто встречаются в воинской повести.

Как правило, эти образы функционируют не как свободные детали, а как важные семантические единицы. Как показано в первой главе, от бинарного мышления древние славяне придали природным явлениям и предметам дополнительные смыслы. Итак, эти образы часто обладают определенными символическими смыслами. Методы их функционирования разны. Согласно результатам нашего исследования, они в произведениях могут выступить в качестве символа и примера для сравнения. Их методы функционирования в древнерусских текстах и в Есенинских поэмах сходны.

а) Функционирование древнерусских образов в качестве символа. Эти образы часто становятся символами в древнерусской литературе. Например, в «Слове о полку Игореве»: *«Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин!»*⁵⁴ В данном примере образ сокола выступает в качестве символа отважного воина и способствует демонстрации доблести полка во главе с князем-Игорем. Соответственно, большинство заимствованных из древнерусской литературы образов в Есенинских поэмах тоже функционирует как символы: *«Закурилася ковыльница / Подкопытною танагою»*⁵⁵, *«За поёмами Улыбыша / Кружат облачные вентери»*⁵⁶ и *«Выше, выше, вихорь, тучи подыми!»*⁵⁷ и т. п. Здесь ковыль символизирует смерть, облачные вентери – нечистую силу, а вихрь созидательное движение, которого поэт долго ждет в трудное время.

б) Функционирование древнерусских образов в качестве примера для сравнения. В основном, в изученных воинских повестях сравнение с этими образами часто выражается формой творительного падежа («Гзак бежит серым волком...»)⁵⁸, оборотом с союзом «как» («И будем как стадо овечье, не

⁵⁴ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 257.

⁵⁵ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 11.

⁵⁸ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 257.

имеющее пастыря; влачится оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда.»⁵⁹, со словами «точно», «словно» и др. («А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, **словно** вихрем вырвал.»)⁶⁰ Как отмечает Д. С. Лихачев, в древнерусской литературе сравнение «касается внутренней сущности сравниваемых объектом по преимуществу».⁶¹ Итак, цель использования подобного сравнения заключается в раскрытии общей внутренней сущности между этими образами и образами персонажей. Присутствует и в поэме «Марфа Посадница» подобное сравнение с древнерусским образом: «Заходила буйница выхвали старинной, / Бороды, **как молнии**, вытячили грозно»⁶². Как в средневековой книжности, здесь сравнение показывает общие внутреннее качество между двумя образами – страшную разрушительную или созидательную силу.

Для воинской повести характерен и особый тип сравнения – отрицательное сравнение. Обильные отрицательные сравнения могут назвать в «Задонщине»: «То не **серые волки** были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю»⁶³, «То ведь были не **соколы** и не кречеты,

⁵⁹ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 177.

⁶⁰ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 261.

⁶¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 177.

⁶² Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 7.

⁶³ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997.

— *то обрушились русские князья на силу татарскую*⁶⁴, и *«То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон...»*⁶⁵ Данный прием был заимствован в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате», например, в следующей строфе⁶⁶:

Не свиный ух защурился,
И не волчья пасть оскалилась,—
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево...

Используя отрицательное сравнение, поэт сравнивает Батыя с совой и волком, выявляет общие качества между ханом и этими животными, заставляет читателей обратить внимание на последние две строки.

Главными функциями вышеупомянутых образов являются раскрытие характеров персонажей и вывоз определенного ощущения у читателей.

а) Раскрытие характеров персонажей. В средневековой словесности замечена склонность уподоблять персонажам природные явления и предметам, чтобы придать внутренние качества этого образа персонажу. Показательным примером является следующее предложение из «Сказания о Мамаевом побоище»: *«И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря; влачитя оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда.»*⁶⁷ В примере сравниваются русские войска с стадом овечьим для того,

С. 109.

⁶⁴ Там же. С. 111.

⁶⁵ Там же. С. 115.

⁶⁶ *Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.*

⁶⁷ *Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 177.*

чтобы выявить такие общие качества между ними, как смирение перед Богом и беззащитность перед врагами. Аналогично, в качестве примера в поэме «Марфа Посадница» можно привести следующую строку: «*Бороды, как молнии, выпячили грозно*»⁶⁸. Традиционно молния считается символом разрушительной силы.⁶⁹ С помощью сравнения бород с молнией, создается образ сильного, удалого и твердого богатыря.

б) Вызов у читателей определенного ощущения. Нередко в средневековых произведениях использованы эти образы для составления психологического параллелизма. Характерным примером служит следующее предложение из «Слова о полку Игореве»: «*Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клёкотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты*». ⁷⁰ В данном примере изображается окружающая среда, вокруг полка Игоря перед отправлением к Дну. В сцене замечены такие образы животных, как волки, орлы, лисицы, вороны и галки. Волк в фольклоре и в древнерусской литературе – символ злобы и кровожадности.⁷¹ Лисица воплощает хитрость.⁷² Образ вороны тесно связан со смертью⁷³ и звуки галок неприятные, поэтому они часто вызывают

⁶⁸ *Есенин С. А.* Марфа Посадница // *Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2.* М., 1995. С. 7.

⁶⁹ Молния // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 74.

⁷⁰ Слово о полку Игореве // *Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4.* СПб., 1997. С. 257.

⁷¹ Волк // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 176.

⁷² Лиса // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 207.

⁷³ Ворон // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 244.

у людей неприятное впечатление. С помощью таких образов создана страшная картина, которая заставляет читателей волноваться за судьбу полка Игоря. Психологический параллелизм с этими образами также присутствует в Есенинских поэмах. Показательным примером является первая строфа в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате»⁷⁴:

За поёмами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.

В строке описывается пейзаж города Рязань: за поймами кружили вихри и дымился ковыль. Вихрь служит символом разрушительного движения и воплощает дьявола в колдовстве,⁷⁵ а образ ковыля тесно связан со смертью⁷⁶. Вихрь и ковыль предназначают предстоящее нашествие нечистой силы и кровопролитие христиан. Совмещение этих образов создает эффект печали и вызывает у читателей волнение за судьбу рязанцев.

Эти образы сохраняют свои символические смыслы в разных произведениях. Выявление их символического смысла способствует интерпретации Есенинских поэм, так что далее мы будем подробно рассматривать их конкретные символические смыслы.

Образ волка. Данный образ является чуть ли не самым популярным образом в воинской повести. Волк – лютый зверь, который беспощадно

⁷⁴ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

⁷⁵ Вихрь // Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 74.

⁷⁶ Ковыль // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт. составитель А. А. Кононенко. Харьков: Фолио, 2013. С. 503.

нападает на добычу, что невольно вызывает страсть у славян. В древности волк считается символом агрессивности, свирепости и коварства.⁷⁷ В христианстве от его свирепости и кровожадности, образ волка становится символом дьявола и ереси.⁷⁸ В древнерусской книжности нередко встречаются случаи противостояния образа волка овце – верующему христианину. Например, в «Сказании о Мамаевом побоище» своих людей уподобляют овцам, а чужие – волкам («... и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто лвиные, точно лютые волки на овечьи стада напали...»)⁷⁹ Помимо этого, образ волка соотносится с образом захватчика. Волки часто символизируют немилосердных врагов на войне, кто рассекают всех и нарушают все беспощадно («И будем как стадо овечье, <...>, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда»)⁸⁰ Таким образом, образ волка является контаминацией образов грешного нехристианина и безжалостного захватчика. Образ волка был заимствован Есениным в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате»: «И не волчья пасть оскалилась, — / То Батый с холма Чурилкова / Показал орде на зарево...»⁸¹ Здесь используется прием отрицательного сравнения и губа Батыя сравнивается с волчьим. Опираясь на образ волка в

⁷⁷ Волк // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 176.

⁷⁸ Там же. С. 177.

⁷⁹ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 181.

⁸⁰ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 177.

⁸¹ *Есенин С. А.* Песнь о Евпатии Коловрате // *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

древнерусской литературе, мы полагаем, что Есенин пользуется образом волка для того, чтобы подчеркивать устойчивые качества образа волка в образе хана, такие как хитрость, свирепость и коварность. Кроме этого, отождествление образа Батыея с образом волка позволяет интерпретировать образ хана как комплексный образ язычника и захватчика.

Образ сокола. В отличие от образа волка, с соколом часто сравнивается славянский полк. В средневековье сокол служит символом мужества, храбрости и силы.⁸² В древнерусской литературе, образ сокола – это удалый защитник отечества. Сокол отважно воеет на побоище и приносит победу. В воинской повести характерен эпизод храброго удара сокола по птицам: *«Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду»*⁸³, *«Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым»*⁸⁴ и т. п. В этих примерах сокол символизирует храбрых русских воинов и удар сокола по птицам подразумевает жаркая схватка с врагами. Этот образ также был заимствован в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате», однако не только для воспевания храбрости дружины, но и для ей критики. В следующей строфе изображается побоище, где дружина храбро разбивает татар:

Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною —

⁸² Волк // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 265.

⁸³ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 263.

⁸⁴ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 111.

Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.⁸⁵

Слово сокола становится приложением слова «дружинники», что позволяет отождествлять образ дружинников с образом сокола и показать такие качества в образе дружинников, как бесстрашность, храбрость и сила. Далее поэт описывает поражение битвы и их смерть в бою: *«Полегли соколя-дружиники / Под татарскими насечками»*.⁸⁶ Образ бесстрашного хищника сочетается с образом незащищенного трупа, полегшего «под татарскими насечками», с кем, чтобы создать иронический эффект и заставить читателей подумать о судьбе дружинников. Повтор образа сокола показывает то, что злоупотребление алкоголем даже делает таких отважных дружинников слабыми.

Образ ковыля. Согласно «Энциклопедии славянской культуры, письменности и мифологии», «в народных песнях шум ковыли под ветром» предсказывает смерть.⁸⁷ В изученных воинских повестях эпизод с ковылем неизбежно связан со смертью и печалью. Например, в «Слове о полку Игореве» в плаче Ярославна обращается к ветру и спрашивает, зачем ее веселье «по ковылю развеял»⁸⁸? Лежание на ковыли-траве подразумевает смерть человека. Именно используя этот символ, в «Задонщине» Ослябя-чернец рассказала брату о гибели своего сына (*«... а сыну моему Якову лежать*

⁸⁵ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 179.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Ковыль // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт. составитель А. А. Кононенко. Харьков: Фолио, 2013. С. 503.

⁸⁸ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 265.

на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом...») ⁸⁹ и фряги изображают смерть много татар на войне («Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле!») ⁹⁰. Этот образ использован в начале поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» («Закурилася ковыльница / Подкопытною танагою.») ⁹¹ и является ключевым элементом психологического параллелизма. С помощью образа ковыля, предназначенного смерти бесчисленных людей, создается эффект печали и вызывается сочувствие у читателей.

Образ вихря. Кажется, образ вихря обладает противоречивыми символическими смыслами. Со одной стороны, в славянской мифологии вихрь воплощает нечистую силу и символизирует дьявола. ⁹² По результатам нашего исследования, в двух местах Есенинских поэм образ вихря совпадает с таким представлением. В «Песни о Евпатии Коловрате» в строках «За поёмами Улыбыша / Кружат облачные вентери» ⁹³ облачные вентери символизируют дьявола и подразумевают злых татар. Заимствованный образ способствует созданию страшной картины и вызова у читателей волнение. В поэме «Марфа

⁸⁹ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 113.

⁹⁰ Там же. 117.

⁹¹ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

⁹² Вихрь // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт. составитель А. А. Кононенко. Харьков: Фолио, 2013. С. 249.

⁹³ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

Посадница» Иван III сравнивается с вихрем: *«И писал господь своей верной рабе: / «Не гони метлой тучу вихристу»*.⁹⁴ В письме Бог дал совет Марфе Посаднице, чтобы она не насильно сопротивлялась московскому царю, так как он уже совершил сделку с дьяволом и война обречена на поражение. Здесь метла подразумевает полк Марфы, а туча вихриста – Иван III. Окказионализм «вихрист» происходит от слов «вихрь». Учитывая образы вихря и семантику строки, мы полагаем, что слово «вихриста» -- краткое прилагательное, определяющее имя существительное «туча» и обозначающее антихристианское вихревое. Использование этого образа подчеркивает демоническое начало в образе Ивана III. Однако, с другой стороны, вихрь может и воплощать созидательное движение.⁹⁵ К примеру, этот образ также наблюдается в конце «Слова о полку Игореве». Когда князь-Игорь убежал от плена татар, *«вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую ...»*⁹⁶ В примере вихрь символизирует положительный поворот и становится ключевым элементом психологического параллелизма, с помощью чего создается веселая атмосфера и предсказывается поворот судьбы Игоря. Образ вихря как созидательное движение тоже принимает Есенин. В поэме «Марфа

⁹⁴ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 10.

⁹⁵ Вихрь // Словарь символов [Электронный ресурс] // academic.ru – Словарь и энциклопедия на Академике: [портал]. – [М.], 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/121> (дата обращения: 09.05.2022)

⁹⁶ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 267.

Посадница» утверждая то, что минуло четыреста лет и пора исполнять Марфин завет, лирический герой как буревестник ждет бури революции: *«Выше, выше, вихорь, тучи подыми!»*⁹⁷ В строке под вихрем понимается созидательное движение изменения общества и сила эволюции. Призыв к вихрю превращается в призыв к изменению общества.

Образ молнии. Согласно «Энциклопедии знаков и символов», в мифологии молния отождествляется «с оружием или рукой Громовержца», что делает его символом «страшной разрушительной силы».⁹⁸ В изученных воинских повестях этот образ часто встречается в описании пейзажа перед побоищем с кем, чтобы создать эффект волнения. Например, в «Слове о полку Игореве» перед второй битвой с половцами, так описывается тогдашняя погода: *«На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии.»*⁹⁹ С помощью образов кровавых зорь, черных туч и молнии создается страшная картина и вызывается у читателей волнение. Традиционный образ молнии использован для создания образа буйницы в поэме «Марфа Посадница», в которой с молнией сравниваются бороды буйницы: *«Заходила буйница выхвали старинной, / Бороды, как молнии, выпячили грозно.»*¹⁰⁰ Как

⁹⁷ *Есенин С. А.* Марфа Посадница // *Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2.* М., 1995. С. 11.

⁹⁸ Молния // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 74.

⁹⁹ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 257.

¹⁰⁰ *Есенин С. А.* Марфа Посадница // *Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2.* М., 1995. С. 7.

мы обсудили выше, сравнение основывается не столько на сходной форме между бородой и молнией — обе они кудрявые, сколько на общих внутренних характерах между буйницей и молнией – страшная разрушительная сила. Как бесстрашный богатырь, недаром он презирает полк Ивана III и категорически заявит: «Что нам Московия, — как поставник блинный! / Там бояр-те жены хлыстают загозно!»¹⁰¹

Образ колокола. Образ колокола имеет различные символистические смыслы в изученной средневековой книжности. Во-первых, от того, что в военном деле звон колокола использован в качестве тревоги нападения врагов, колокол воплощает «тревожный набат об опасности или о войне.»¹⁰² В связи с этим, образ колокола часто встречается в сцене битвы для того, чтобы создать эффект напряженности. Например, в «Задонщине» ожесточенная битва описывается именно таким образом: «*А уже соколы, и кречеты, белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, <...>, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону...*»¹⁰³ Во-вторых, в русской истории вечевой колокол олицетворяет свободу и демократию, так что после взятия Новгорода Иван III увез в Москву и знаменитый вечевой колокол города.¹⁰⁴ В «Задонщине» тоже описывается вечевой колокол, который собирает мужиков вместе против татар за свободу и независимость отечества

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Колокол // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 448.

¹⁰³ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 109.

¹⁰⁴ Колокол // *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. С. 448.

(«Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?»»)¹⁰⁵

Образ колокола повторяется четыре раза в поэме «Марфа Посадница» и является чуть ли не важнейшим образом этой поэмы. Все вышеупомянутые символические смыслы наблюдаются в Есенинском образе колокола. Самый важный символический смысл образа служит свободой и демократией. В начале поэмы, как в «Задонщина», на свободолюбивый звон вечевого колокола собрались новгородцы и решили бороться против московского княжества за независимость родного города («Раскололся зыками колокол на вече»¹⁰⁶). И в конце поэмы с призывом воевать с врагами, упоминается этот образ еще раз и перекликается с началом:

Пропоем мы богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит нам с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.¹⁰⁷

Вместе с этим, перед отправлением полка Ивана III «на соборах Кремля колокола заплакали»¹⁰⁸. Колокол как символ свободы горюет за нашествие и насилие. Несомненно, данный образ ассоциируется с предупреждением об опасности Новгорода. Интересно то, что помимо заимствования образа

¹⁰⁵ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 107.

¹⁰⁶ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 7.

¹⁰⁷ Там же. С. 11.

¹⁰⁸ Там же. С. 9.

колокола из средневековой словесности, Есенин создает и собственный образ царя- колокола. В поэме простоят свободолюбивый колокол деспотичному. В строках *«Ой ли вы, с Кремля колокола, / А пора небось и честь вам знать!»*¹⁰⁹ формулируется метафора царь-колокол, символизирующий деспотичную власть.

3.2. Образы главных героев в древнерусской литературе и в поэмах С. А. Есенина

Главными героями в Есенинских поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате» являются Марфа Посадница, московский царь Иван III, Евпатии Коловрат и хан Батый. Эти исторические известные лица в Есенинских поэмах имеют много общего с персонажами древнерусских произведений, особенно воинских повестей. Обычно художественных героев условно разделяют на две группы: на так называемых «положительных персонажей» и «отрицательных». Для древнерусской литературы с ее нормативной поэтикой и устремлением к идеальному герою, с ее назидательной функцией и примерами христианских добродетелей такое деление характерно. Согласно определению «Словаря литературоведческих терминов», положительный герой – это носитель эстетического идеала автора.¹¹⁰ Соответственно, отрицательный герой – это персонаж,

¹⁰⁹ Там же. С. 11.

¹¹⁰ Положительный герой // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: «Просвещение», 1974. С. 273.

противостоящий эпическому и эстетическому идеала автора. Однако такие утверждения относятся в большей степени к литературе Нового времени. И если мы рассматриваем есенинские поэмы, то в них явно положительными героями выступают Марфа Посадница и Евпатий Коловрат, а отрицательными – князь Иван III и хан Батый.

В средневековье смирение перед Богом признано важнейшим качеством человека, итак положительный, а точнее, идеальный герой – прежде всего, христианин. Они верят в христианство и их жизнь организована по Божественному закону. Религиозность персонажа проявляется по-разному:

а) Христианские качества персонажа выражаются постоянными эпитетами, такими как: «верный», «благоверный», «благочестивый» и т. п. Например, в описании Московско-новгородской войны (1477-1478) в «Софийской первой летописи» использованы слова «благоверный» и «благочестивый» в качестве постоянного эпитета для образа Ивана III с тем, чтобы подчеркнуть его христианские добродетели, отчасти присущие государственной титулатуре: *«И егда бысть в лѣта державы благовѣрнаго и благочестиваго великого Ивана Васильевича всея Роуси, его же избра и възлюби Господь Богъ и пречистая Богородица...»*¹¹¹

б) Смирение персонажа показано через авторское прямое описание. К примеру, в «Сказании о Мамаевом побоище» читаем конкретное описание характера князя Дмитрия Ивановича, в котором верность христианским

¹¹¹ Лѣто седмьдесятъ девятое мѣсяца июуля и августа // Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994. С. 150.

заповедям выступает как его важнейшее качество: *«Государь же князь великий Дмитрий Иванович — мирный человек — образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от Бога грядущих вечных благ...»*)¹¹²

в) Христианские добродетели определяют и поведение таких персонажей, их действия. Так, например, что в «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщине» и «Софийской первой летописи» во фразах русских князей перед сражением показано, под борьбой с татаро-монголами они понимают прежде всего борьбу за чистоту веры, которая и есть исполнение Божьей воли. Такие элементы жанра воинской повести как молитва князя перед сражением, просьба о небесном заступничестве встречается во всех упомянутых древнерусских текстах. В «Похвале роду рязанских князей» — заключительной части «рязанского цикла», князя вопреки реальности наделяются традиционными христианскими качествами, переводя план исторического повествования в житийный. Рязанские князья, пишет автор: *«От самых пелен Бога возлюбили, о церквах Божиих много пеклись. <...>, с добрыми всегда беседовали, и Божественное писание всегда с умилением слушали.»*¹¹³ Перед нами типичный образ будущих святых.

Большинство положительных героев в древнерусских памятниках неизбежно связано с образом защитника своей родной земли. Чаще всего они защищают отечество и воют отважно. Храбрость персонажа часто выражается

¹¹² Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 143.

¹¹³ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 155.

часто выражается при помощи разных художественных приемов:

а) Русские дружинники для раскрытия их удали и быстроты передвижения уподобляются соколам.

б) Нередко в древнерусских памятниках прямо изображаются сцены сражения, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Житии Александра Невского». Во второй части Повести подробно описывается процесс битвы Евпатия Коловрата с полком Батыя. В сражении Евпатий «сражался так храбро и мужественно, что сам Батый испугался.»¹¹⁴ Хостоврул пытался захватить Евпатия живым, но сам был рассечен до седла. В Житии Александра Невского отмечено, что он тоже воевал отважно и даже оставил печать своего копья на лице самого римского короля.

Можно делать вывод о том, что положительный герой в древнерусской литературе – это храбрый защитник родины и веры. Именно такой образ является ядром есенинских поэтических образов Марфы Посадницы и Евпатия Коловрата.

В поэме Марфа Борецкая изображена красавицей с приятным голосом. В первой строфе поэмы выход Марфы Посадницы за ворота сравнивается с выходом сестры «месяца из темного болота»¹¹⁵, т. е. выход Марфы Борецкой освещал площадь, где новгородцы собирались на вече для обсуждения предстоящей войны. Приятный голос героини описывается в строке:

¹¹⁴ Там же. С. 147.

¹¹⁵ *Есенин С. А.* Марфа Посадница // *Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2.* М., 1995. С. 7.

«Возговорит Марфа голосом серебряно»¹¹⁶.

Марфа Посадница – верующая христианка. О смирении свидетельствует ее желание обращаться к Богу за помощь. Перед сражением с московским князем-царем, она, как другие благоверные князи, молится к Богу (*«В зарукавнике Марфа богу молилась»¹¹⁷*) и просит голубей связаться с Богом. Доказательством ее веры является и взаимная забота о ней Христа, ангелов и голубей. Как только слушали ее голос, ангелы открыли окна горницы, чтобы внимательно прислушаться к обсуждению предстоящего побоища. Голуби прилетали в райский терем и *«приносили письмо от Бога»¹¹⁸*, в котором Бог объяснил ситуацию и дал ей совет. Как известно, голубь в библейской традиции символизирует Святого Духа. В Священном Писании именно голубь приносит Ною масличную ветвь – знак того, что спасение рода человеческого близко. Веру и смирение Марфы отражают и выбранные поэтом слова: *«И писал господь своей **верной** рабе»¹¹⁹*, *«Быть так, — **кротко** молвила, черны брови сдвинула — / Не ручки — брызгатели выцветням росяновым...»¹²⁰*

Свободолюбие является одной из ключевых черт характера Марфы Посадницы. Это качество выражается в ее отношении к борьбе за независимость Новгорода. Она объясняла Московско-новгородскую борьбу желанием московского княжества помешать свободе новгородцев (*«Грамотой*

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 10.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 8.

московскую извольню повелено / Выгомонить вольницы бражные загулы!»¹²¹⁾

Бунт против московского княжества понимается как борьба за право на сохранение собственной традиционной образ жизни. Поддержка идеи вольницы тоже отражает ее вольный дух («*«Быть так, — кротко молвила, черны брови сдвинула — / Не ручьи — брызгатели выцветням росяновым...»*¹²²⁾ К тому же, образ вольницы создается с помощью других образов в поэме. Мы полагаем, что Есенин устанавливает связь образа героини с образом колокола семантическим и структурным путями:

Раскололся зыками колокол на вече,
...

Возговорит Марфа голосом серебряно:¹²³

Серебряный голос героини напоминает звон колокола. Эти строки были специально расположены на первой строке смежных строф. Семантически эти два образа близки. Известно, что за неповиновение Москве, когда в 1478 году Иван III покорил Новгород, большой вечевой колокол был снят и увезен в Москву. Колокол предстает здесь как одушевленный персонаж. Он символизирует свободу и демократию. В связи с этим вполне возможно рассматривать есенинский образ Марфы Посадницы как воплощение вольного духа новгородцев. Кроме этого, Марфа Посадница представляет город и ее образ невольно связывается с образом самого Новгорода. Новгород, в понимании Ивана III («*Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, / Новгород мне вольный*

¹²¹ Там же. С. 7.

¹²² Там же. С. 8.

¹²³ Там же.

*ног не лобызает!»*¹²⁴), – «вольный» город, не подчиняющийся насилию. Итак, образ Марфы – это образа охранительницы свободы, демократии и независимости города.

Итак, образ Марфы Посадницы представляет собой, с точки зрения поэта, образ охранительницы свободы, демократии и независимости города.

Если образ Марфы имеет много общего с традиционным представлением древнерусских книжников о положительных персонажах в целом, то образ Евпатия Коловрата прямо связан с одноименным героем из «Повести о разорении Рязани Батыем», исторических песен и народных легенд. В борьбе с ордынцами хана Батыя Евпатий Коловрат выступает храбрым и «крылатым» богатырем. Он был воеводой и находился в Чернигове тогда, когда произошло нашествие татар на Рязань. Услышав о беде города, он сразу собрал малую дружину и отправился в поход на помощь рязанцам и князю Юрию Ингоровичу, происходившему из рода черниговских князей мономашичей – потомков князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Большую часть повествования отдано описанию процесса сражения для того, чтобы подчеркнуть отвагу Евпатия. В Повести повествование о подвигах Евпатия состоит из двух части: борьба богатыря с татарским полком и единоборство с Хостоврулым. В этом эпизоде, как уже не раз отмечалось в исследовательской литературе, мы видим фольклорную модель, которая и была воспринята Есениным. В сражении «Евпатий так бился беспощадно, что и мечи притупились, и выхватывал <он мечи> татарские, и рубился ими. Татары

¹²⁴ Там же.

думали, что это мертвые воскресли!»¹²⁵ Что касается единоборства с Хостоврулым, то Евпатий Коловрат рассек его «до седла». О храбрости Евпатия свидетельствует рассуждение татарских мурз и князей. Они признали, что в жизни еще не видали таких удалых воинов, как Евпатий Коловрат, который не имеет страха смерти. И здесь автор «Повести о разорении Рязани Батыем» использует характерный для воинских повестей и для фольклора прием – удивление и восхищение противника героем.

Эти характеристики сохранены в Есенинском образе Евпатия Коловрата. Но в тоже время поэт создает своеобразный образ богатыря и подчеркивает его верность.

В отличие от его древнерусского источника, в Есенинской поэме Евпатий Коловрат становится красивым богатым кузнецом. У него приятная внешность: *«Вились кудри у Евпатия, / В три ряях на плечи падали. / За гленищем ножик сеченый / Подтирал колено белое.»*¹²⁶ Эти эпитеты «колено белое», «ножик сеченый», «зелено вино» с инверсивным прилагательным присущи устному народному творчеству. Евпатий держал кузницу и жил зажиточной жизнью. В его закромах сохраняется много прошлогоднего зерна. Профессия кузнеца – это также профессия архаическая, характерная для героев эпоса. Евпатий в изображении Есенина был человеком мирным, нежным и ласковым, о чем доказывались обращением к нему в письме-просьбе рязанских бояр,

¹²⁵ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 147.

¹²⁶ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 176.

называющих его «батырем лазушновым». Этот диалектизм обозначает именно «ласковый».¹²⁷ При уговоре Евпатий выбрал доброжелательную интонацию и внимательно объяснил им вред пива (*«Ой ли, други закадычные, / Вы не пейте зелена вина, / Не губите сметку русскую.»*)¹²⁸

В поэме Есенин старался показать неколебимость веры Евпатия. Его религиозность выражено в эпизоде, когда он уговаривает дружинников отказаться от хмельного питья. Под бражничеством понимается нарушение Божьего закона и прегрешение человека. В этом плане Евпатий становится защитником христианской веры и ценностей. Вместе с этим, мы полагаем, что Есенинский образ Евпатия Коловрата может быть спроецирован на образ Христа Спасителя. Во-первых, перед Евпатием и Христом стоит одинаковая задача – Спасение. В случае Христа в Библии это – спасение всего грешного человечества, а в случае Евпатия это – спасение Рязани и Рязанского княжества от врагов, защита родной земли. Вот в письме-просьбе рязанские бояре попросили Евпатия спасти города Руси от руки врагов (*«Ой ты, лазушиновъй баторе, / Выручай ты Русь от лихости!»*)¹²⁹ Интересно то, что в первой редакции поэмы подобную просьбу тоже высказывает Богородица, обращаясь к Христу: *«Ой ты, сыне мой возлюбленный, / потопчи ты силу вражью, / да*

¹²⁷ Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2020. №1. С. 43.

¹²⁸ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 178.

¹²⁹ Там же.

*верни нам Русь былую».*¹³⁰ В этом плане Евпатий Коловрат стоит на стороне Христа. Во-вторых, биография Евпатия также может быть рассмотрена как своеобразный аналог, уподобление жизни Иисуса: Евпатий пришел в Рязань для спасения его жителей, однако из-за прегрешения дружинников война с татаро-монголами обречена на поражение. Евангельский образ чаши-искушения в случае с Евпатием Коловратом превращается в образ хмельной чаши, тоже своего рода искушения. Евпатий у Есенина таким образом воплощает собой и богатырское, и одновременно жертвенно-искупительное начало. Христос, как мы знаем, приходит из Галилеи спасти человеческий род от грехов и жертвенно берет их на себя. Однако элементов жертвенности в есенинском образе Евпатия мы не находим.

Храбрость Евпатия не раз описывается в Есенинской поэме. О его удали свидетельствовали оценки поэта: *«Соходилися товарищи / Свет хороброго Евпатия»*¹³¹. В поэме тоже изображается картина сражения: *«И не меч Евпатий вытянул, / А свеча в руках затеплилась.»*¹³² Острие меча сравнялась с загоранием свечи. Свеча зажглась мгновенно и осветила мир вокруг. Употребление этого сравнения показывает высокую скорость действия богатыря и подчеркивает страх его врагов.

¹³⁰ Есенин С. А. Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 199.

¹³¹ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 178.

¹³² Там же. С. 179.

На основе сказанного, можно прийти к выводу о том, что Есенинский образ Евпатия Коловрата – это образ верного христианина, храброго защитника Родины. Его образ в какой-то степени можно ассоциировать с образом Христа. Однако для доказательства этого предположения нужны более подробные исследования.

Положительным персонажам в поэмах Есенина противостоят персонажи с отрицательными характеристиками. Прежде всего это враги русской земли, нехристиане, захватчики чужих земель. Цель их нашествия заключается в уничтожении христианской веры на русской земле. Например, в «Повести о разорении Рязани Батыем», после уничтожения Рязани Царь Батый пошел дальше на Суздаль и Владимир с желанием «и веру христианскую искоренить, и церкви Божий до основания разорить.»¹³³ Такие персонажи могут быть околдованы дьяволом и действуют под его властью. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» по наваждению дьявола Мамай выступил на войну с князем Дмитрием Ивановичем, а в описании Московско-новгородской войны (1477-1478) «Софийской первой летописи» под влиянием демона Марфа Борецкая решила выйти замуж за Литовского короля и присоединить Новгород к Литве. Кроме выражения их действий, антихристианское начало врагов выражается следующими постоянными эпитетами: «поганый», «окаянный», «безбожный», «злой» и др.

Отрицательные персонажи в средневековой книжности часто являются

¹³³ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 147.

носителями пороков, таких как кровожадность, хитрость, распутство и др. Характерным примером служит образ царя Батыя в «Повести о разорении Рязани Батыем». О распутном поведении хана свидетельствует его просьба привести к нему «на ложе» жен рязанских князей. В то же время он – человек хитрый и лживый. Он принял дары русских князей и обещал не нападать на рязанскую землю, однако при отказе князя Федора Юрьевича Рязанского привести к нему собственную жену, Батый, он разъярился и нарушил свое обещание, напал и разорил город. Его кровожадность проявляется в эпизоде уничтожения Рязани – он дал приказ уничтожить город таким образом, чтобы весь город был сожжен, храмы были разорены и ни одного защитника не осталось. Свирепостью нрава наделен и Мамай («Задонщина»), а хитростью – Марфа Борецкая («Софийская первая летопись»).

С традиционным представлением отрицательных персонажей совпадают Есенинские образы Ивана III и Батыя.

Прежде всего, они выступают в качестве нехристианина-завоевателя. В поэме «Марфа Посадница» для того, чтобы захватить вольный Новгород, московский царь вызвал сатану, совершил сделку с ним и продал ему душу свою. Сделка с демоном показывает его антихристианскую позицию. Наблюдается яркая антитеза Христа и Антихриста: *«Не чернец беседует с господом в затворе / Царь московский антихриста вызывает»*.¹³⁴ Здесь персонажи резко разделяются на две противостоящие стороны: Господь и

¹³⁴ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 8.

чернец, московский царь и антихрист, что показывает то, что Ивана III относится к сторонникам антихриста. В «Песни о Евпатии Коловрате» отсутствует прямое описание антихристианского характера Батыя, существует только намек на это – уподобление хана волку: *«И не волчья пасть оскалилась, — / То Батый с холма Чурилкова / Показал орде на зарево.»*¹³⁵ Как показано в первом параграфе данной главы, в воинской повести образ волка является контаминацией образов Антихриста и завоевателя. Данное сравнение позволяет поставить знак равенства между образом волка – символом дикого зверя в фольклоре и в литературе, особенно в ряде летописных известий, и ханом Батыем. В первой редакции поэмы под названием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» Батый представлен как нехристь, поганый язычник. Название этой редакции наглядно свидетельствует о намерении Есенина объединить в поэме богатырскую тему устной народной традиции, фольклорный образ языческого идола и противостоящий ему образ Богородицы-Троеручицы, один из редких иконографических типов, и Христа. В поэме использовано слово «поганище» в качестве перифразы Батыя (*«Повернул коня поганище / На застенное пристанище»*)¹³⁶. Даются эпизоды ссоры Идолица с Господом и помощи Идолица Батыю. Черное идолице попросил Бога отдать победу

¹³⁵ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 174.

¹³⁶ Есенин С. А. Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 199.

татарам и сам делало татарских воинов сильнее в битве защитников Рязанской земли (*«Стонет Идолище чёрное, / брови-поросли приглаживает: / как кипеть ли злым татарам / во смоле, котлах кипучих.»*)¹³⁷ Все эти эпизоды, включающие: нашествия на русскую землю, исполнения демонической воли и противостояния Христу, позволяют интерпретировать образ Батыя как образ Антихриста.

Вышеупомянутые пороки, присущие древнерусским отрицательным героям, наблюдаются также в Есенинских образах Ивана III и Батыя. Оба они жестоки, свирепы и кровожадны. Такие качества выражены поэтом с помощью мотивов, используемых в древнерусской книжности, преимущественно в тех произведениях, которые вобрали в себя фольклорные мотивы и образы или построены по фольклорной модели, но соединяют в себе элементы книжных и устных жанров. Как показано в второй главе, мотив пира-битвы подчеркивает жестокость сражения, а наслаждение в пире-битве, несомненно, дает намек на свирепость персонажей. Например, в поэме «Марфе Посаднице» перед битвой московский царь был взволнован и не мог дождаться начала сражения: *«Возговорит царь жене своей: / «А и будет пир на красной брже!»*»¹³⁸ Кроме этого, их жестокость отражена с помощью древнерусских образов природы и предметов. В «Песни о Евпатии Коловрате» хан Батый сравнивается с волком (*«Не совиный ух защурился, / И не волчья пасть окалилась,— / То Батый с*

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 9.

холма Чурилкова / Показал орде на зарево.»)¹³⁹, что позволяет перенести свирепость дикого животного на образ Батыя. Вместе с тем, кровожадность этих образов замечена в их фразе и действии. В поэме «Марфа Посадница» Иван III говорит жене: «Всем подушки голов растелю в овраге»¹⁴⁰, т. е. хочет убить беспощадно всех людей и сбросить их голов в овраг. Соответственно, в «Песне о Евпатии Коловрате» говорит «лютый ханище: / «Ой ли, черти-куралесники, / Отешите череп батыря / Что ль на чашу на сивушную»»¹⁴¹ Это отсылка Есенина к известному месту в летописи, где говорится о судьбе князя Святослава, из черепа которого враги сделали чашу для вина. В данном случае это чаша «сивушная», из которой пьют сивуху – так называют плохо очищенный хмельной напиток. Обратим внимание на эпитет хана «лютый». В древнерусских текстах как оригинальных, так и переводных, часто упоминается выражение «лютый зверь», которое может обозначать волка, вепря, льва. В словах хана Батыя проявляется его презрение к человеческой жизни, непочтение к телу богатыря и варварство. Помимо кровожадности, для Есенинских образов Ивана III и Батыя характерно и распутство. Будучи женатым, московский царь все еще выразил желание «сватать неучтивых семей» после войны. Потакание плоти Батыя выражается с помощью слова

¹³⁹ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С.174.

¹⁴⁰ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 9.

¹⁴¹ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 179.

«курвяжиться» в строке: «Уж он пьет не пьет, курвяжится».¹⁴²

Выше мы провели анализ образов главных героев в Есенинских поэмах и выявили, что черты характеров Есенинских образов имеют многие общие с древнерусскими героями, в особенности, образы Евпатия Коловрата и Батыя почти полностью совпадают с их образами в «Повести о разорении Рязани Батыем». В обоих текстах Евпатий Коловрат является храбрым защитником родной земли, рязанского княжества, а Батый – поганым свирепым завоевателем. Исключение только в том, что в Есенинской поэме Евпатий Коловрат изображается верным христианином и его образ ассоциируется с образом Спасителя, но прямое указание на верность богатыря Богу отсутствует в соответствующем древнерусском источнике. Однако при сравнении образов главных героев в поэме «Марфа Посадница», мы обнаружили, что Есенинский образ Марфы Борецкой не совпадает с ее представлением в описании Московско-новгородской войны (1477-1478) «Софийской первой летописи», а более похож на образ Ивана III в летописи. Соответственно, Есенинский образ Ивана III имеет больше сходства с летописным образом Марфы Борецкой. Это может объясняться тем, что древнерусских литературных памятников о Марфе Борецкой мы не знаем, поэтому Есенин вынужден был опираться на летописные свидетельства. Другой вопрос связан с тем, насколько Есенин был знаком и использовал сведения о своей героине из Повести Н. М. Карамзина. Но сейчас оставляем в стороне эту тему, тем более, что она не раз была затронута в есениноведении.

¹⁴² Там же. С. 180.

В «Софийской первой летописи» Московско-новгородская война также интерпретируется как борьба православия с ересью, но дело заключается в том, что Иван III является здесь представителем Божьей воли, а Марфа Борецкая – сторонником дьявола. Согласно летописи, дьявол вошел в тело вдовы и руководил ее поступками. По демонической воле она решила выйти замуж за Литовского короля, что неизбежно приводило к присоединению Рязанской земли к Литве и изменению веры. В «Софийской первой летописи» Марфа Борецкая послушала слова демона, забыла Божьи законы и отдалилась от православия. В летописи подчеркивается лукавство в образе Марфы Борецкой. Прилагательное «лоукавый» повторяется 24 раз при описании этой войны и специально использовано для иллюстрации черт характера Марфы Борецкой и новгородцев. Например, *«А сиа Марфа окаянная, подобна имъ, тако же всего народа хотяше прельстити, <...> лоукаваго ради с нею дьяволя сплетения и мыслы злыя литовьскаго князя»*¹⁴³, *«...и та окааннаа съплетя лоукавыми речьми с литовьским княземъ с Михаиломъ...»*¹⁴⁴ и другие. Таким образом, летописный образ Марфы Посадницы неоднозначен, в ней есть дьявольское начало. В отличие от Марфы, Иван III благоверный и благочестивой. Софийская первая летопись – свод официальный, княжеский, и потому такие противоположные характеристики обоих персонажей понятны. Великий князь был избран Христом для царствования русской земли: *«Господь Богъ нашъ от*

¹⁴³ Лѣто седмьдесятъ девятое мѣсяца июлиа и августа // Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994. С. 151.

¹⁴⁴ Там же. С. 151.

своего живоносныа десница постави и своеи Богъвълюбленней земли Роусьстии главоу <...> благороднаго и благочестиваго и благовърнаго великого князя Ивана Васильевича всея Роусии...»¹⁴⁵ Немало места летописи отдают описанию его веры и смирения. Московско-новгородская война оправдана необходимостью предотвращения Новгорода от присоединения к Литве и защиты православия.

Если мы сравним Есенинские образы с соответственными образами в «Софийской первой летописи», то получим следующую таблицу:

	В «Софийской первой летописи»	В поэме «Марфа Посадница»
Образ Марфы Борецкой	Лукавый антихрист	Религиозный защитник Родины
Образ Ивана III	Исполнитель Божьей воли, защитник православия	Антихрист-завоеватель

В таблице показано то, что Есенинские образы Марфы Борецкой и Ивана III противостоят образам их одноименных героев в летописи. Есенинский образ Марфы Посадницы близок к летописному образу Ивана III, а Есенинский образ Ивана III – к летописному образу Марфе Борецкой. К тому же, как показано выше, важнейшая черта характера Есенинского образа Евпатия Коловрата – верность христианским заповедям, о чем не упоминается в его древнерусском источнике – «Повести о разорении Рязани Батыем». Мы видим, что Есенинские образы не были прямо заимствованы из таких древнерусских источников, а связаны с древнерусскими персонажами в целом. Как в

¹⁴⁵ Там же. С. 149.

древнерусской литературе, так и в Есенинских поэмах, образ конкретного героя определяется его функцией в произведении. От христианской веры и бинарного мышления, положительный персонаж, вызывающий не столько симпатию в авторе, сколько связанный с задачами нормативной поэтики, часто изображается христианином, а отрицательный персонаж – нехристями, что и объясняется дистопией Есенинских образов Марфы Борецкой и Ивана III с соответственными образами в летописи.

В привлекаемых нами древнерусских памятниках и Есенинских поэмах наблюдаются общие методы создания художественного образа. В целом, образы создаются с помощью фразы, действия персонажей и авторского прямого описания.

Чаще всего, в средневековой книжности черты характеров персонажей выражаются путем их фраз. В словах князя Димитрий Ивановича в «Задонщине» («*Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!*»¹⁴⁶), призывающих своих воинов на битву с Мамаем, звучит общая этикетная формула, которую мы встретим и в «Слове о полку Игореве», и в «Повести о разорении Рязани Батыем» и в некоторых других воинских повестях. Она демонстрирует отвагу князя и готовность погибнуть, но не попасть в плен. Эту же храбрую готовность читаем и в фразе князя Юрия Ингоревича Рязанского («*Лучше нам смертью*

¹⁴⁶ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 107.

вечной жизни достигнуть, чем быть во власти язычников.»¹⁴⁷) Юрий Ингореви́ч также показан храбрым и благородным защитником своей земли. Соответственно, в поэме черты характера героев также показываются с помощью их речей, пусть и этикетных. Свободолюбие Марфы Посадницы видно в ее согласии с предложением вольницы: «*«Быть так, — кротко молвила, черны брови сдвинула — / Не ручьи — брызгатели выцветням росяновым...»»*¹⁴⁸; смирение и верность Евпатия Коловрата ярко выражены в его уговоре; свирепость и распутство Ивана III проявляются в разговоре с женой...

Характеристики персонажей также передаются через их действия. Присутствуют устойчивые действия для выявления черт характеров персонажей в изученной воинской повести: молитва к Богу, принятие благословения от епископа, доблесть в бою и т. п. Мотив молитвы использован для демонстрации твердости веры Марфы Посадницы в Есенинской поэме. Как показано выше, образ Евпатия Коловрата-Спасителя создается через действия персонажа: приход на помощь чужих, самопожертвование и гибель ради спасения других.

В древнерусской литературе эпитеты персонажей и прямое авторское описание нередко используются для раскрытия характеров персонажей. В изученных древнерусских памятниках замечены следующие постоянные

¹⁴⁷ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 143.

¹⁴⁸ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 8.

эпитеты персонажей: «благочестивый», «храбрый», «поганый», «лукавый», «злой» ... Такой прием был использован Есениным в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате». Прилагательное «злой» специально употреблено для описания татарского полка и повторяется три раза в поэме: «*Подымались **злы** татаровья / На зарайскую сторонушку*»¹⁴⁹, «*Разыгрались **злы** татаровья, / Кровь полониками черпают*»¹⁵⁰ и «*Налетят на вас **злые** вороги / И развеют вас по соломинке!*»¹⁵¹ Часто встречающееся в средневековой письменности слово «поганый» заимствовано для демонстрации антихристианского начала Батыя и татарского полка в первой редакции этой поэмы: «*Повернул коня **поганище** / На застенное пристанище*»¹⁵² и «*Налетала рать Евпатия, / Сокрушала сыть **поганую.***»¹⁵³ Иногда черты характеров прямо описываются автором, например в «Повести о разорении Рязани Батыем» («*Были они из поколения в поколение христолюбивые, братолюбивые...*»¹⁵⁴), в «Сказании о Мамаевом побоище» («*...князь великий Дмитрий Иванович — мирный человек — образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от Бога грядущих вечных*

¹⁴⁹ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 174.

¹⁵⁰ Там же. С. 175.

¹⁵¹ Там же. С. 178.

¹⁵² Есенин С. А. Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С.199.

¹⁵³ Там же. С. 200.

¹⁵⁴ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 153.

благ...»)¹⁵⁵ и в «Софийской первой летописи» («*Господь Богъ нашъ от своего живоносныа десница постави и своеи Богъвълюбленней земли Роусьстии главоу, <...>, благороднаго и благочестиваго и благовърнаго великого князя Ивана Васильевича всея Роусии...»*)¹⁵⁶ Единственным местом прямого описания характеров персонажа можно назвать следующие строки из поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате»: «*Хоть и много песен сложено, / Да ни слову не уважено, / Не сочестъ похвал той удали, / Не ославить смелой доблести.*»¹⁵⁷

Однако приведенные слова Есенина нельзя целиком понимать как авторские. Есенин использует сюжеты русской истории, вошедшие в древнерусские тексты, не напрямую. Его маленькие поэмы в гораздо большей степени связаны с фольклорной стихией, чем с литературной. Но Есенин не просто передает лексику, ритмику народной устной традиции, он стилизует свой поэтический авторский слог под народный – былинный, сказочный и др. Маленькие поэмы Есенина – это стилизация, своеобразная игра с устным словом, в том числе, диалектным. Она и создает особую поэтику анализируемых маленьких поэм. Изучение функции фольклорных жанров в собственном творчестве Есенина, взаимодействие в его поэзии эпики и лирики является темой отдельного исследования.

¹⁵⁵ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6. СПб., 1997. С. 143.

¹⁵⁶ Лѣто седмьдесятъ девятое мѣсяца июлиа и августа // Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994. С. 149.

¹⁵⁷ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 176.

Если говорить о памятниках древнерусской литературы, то для них и есенинских поэм в плане образности характерны антитеза и типизация.

В средневековой письменности персонажи часто разделяются на две группы и одна группа противопоставляет другой. Антитеза заложена в разных аспектах: в веровании, в сторонах битвы, в характерах героев и др. Приведем материал воинских повестей в качестве иллюстрации. В воинских повестях обычно наблюдается противопоставление русских воинов и чужеземных врагов, антитеза защитников отечества и захватчиков, антитеза христиан и нехристиан, антитеза добра и зла... В «Повести о разорении Рязани Батыем» почти все образы русских, включающие образ Юрия Ингореви́ча Рязанского, образ князя Федора Юрьевича Рязанского, образ Евпатия Коловрата и др., твердо противопоставляются образу царя Батыя. Они представляют русских воинов, защитников Родины и христианскую веру, а образ Батыя – завоеватель, враг и иноверец. В обеих поэмах Есенина главные герои противопоставляются друг друга почти во всех планах: от внешности до характеров. В поэме «Песни о Евпатии Коловрате» внешняя красота богатыря противопоставляется безобразию Батыя. Евпатий Коловрат изображается красивым воином с кудрявыми волосами, а у Батыя неприятный голос – он говорит «собачьим голосом». Более того, в поэме два раза описываются негативные, издевательские действия Батыя: *«Впереди сам хан на выпячи / На коне сидит улыбисто / И жует, слюнявя бороду»*¹⁵⁸ и *«Скачет хан на бела батыря, / С губ бежит слюна капучая»*¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Там же. С. 175.

¹⁵⁹ Там же. С. 179.

Кроме этого, в контрасте образа Марфы Посадницы с образом Ивана III, образа Евпатия Коловрата с образом Батые показаны Есениным все вышеперечисленные примеры антитезы – антитезы защитника Рязани и захватчика, христианина и нехристианина, доброго человека и злого и др.

Типизация служит другим важным приемом в древнерусской литературе и в Есенинских поэмах. В ходе исследования выявлено то, что в изученном материале создаются типичные персонажи, обладающие общими чертами характеров и выполняющие определенные функции. В древнерусских памятниках, так и в Есенинских поэмах, наблюдаются два основных типа персонажей: защитников своей Родины и врагов. Как показано выше, защитник Родины часто описывается религиозным храбрым князем или воином, а враг – язычник, полный грехов и пороков. К персонажам защитника Родины относятся Александр Невский, князь Юрий Ингорович Рязанский, князь Дмитрий Иванович (из «Сказания о Мамаевом побоище»), Марфа Борецкая (из поэмы «Марфа Посадница»), Евпатий Коловрат и др., а к вражеским персонажам принадлежат Батый, Мамай, Иван III (из поэмы «Марфа Посадница») ...

Заключение

В творчестве С.А. Есенина многое связано не только с народной духовной традицией, но и с литературой Древней Руси. Его интерес к русской истории особенно ярко проявился во время Первой мировой войны. Таковы маленькие поэмы Есенина на исторические сюжеты – «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфа Посадница». Если образ Евпатия Коловрата опирается у поэта на конкретный литературный источник, воинскую повесть «О разорении Рязани ханом Батыем» (XIV в.) и исторические песни о герое, то вторая поэма, посвященная защитнице Новгородской вольницы XV в. Марфе Борецкой, основана на фактах, почерпнутых из летописного текста, а именно, Софийской первой летописи о событиях 70-х гг. XV в., связанных с походом князя Ивана III на Новгород и попыткой подчинить его Московскому царству. Обе поэмы написаны вольным «былинным» стихом, стилизованы Есениным под народную устную традицию, на что указывали исследователи. Однако целью нашей магистерской работы было показать общие черты есенинских поэм с памятниками древнерусской литературы, в которых также отразились фольклорные мотивы, связанные с описанием битв. Причины обращения Есенина к древнерусским текстам рассмотрены с разных сторон, в основном, с точки зрения жизненного опыта, собственного мировоззрения поэта и его художественных исканий.

Семейная обстановка и образование придали будущему поэту знание о народной культуре и средневековой словесности. В церковно-учительской школе Есенин выучил церковнославянский язык, который был ему знаком и

из церковных служб. Университетский учебный план гимназии Шанявского включал в себя историю Средних веков и древнерусскую литературу. В круг чтения поэта вошли такие древнерусские произведения, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о полку Игореве», «Задонщина» ... Школьное и университетское образование открыло перед поэтом средневековый мир и подготовило материалы для поэм.

Сходные с древнерусскими книжниками взгляды также послужили важной причиной интереса и заимствования ряда мотивов и образов средневековой письменности. Выросший в деревне, в крестьянской среде, Есенин воспринимал все, что окружало его, в том числе и христианско-языческое двоеверие, характерное для народного религиозного сознания. Христианское начало занимало важнейшее место в мировоззрении поэта, оказало сильное влияние на жизненные ценности, представление об идеальном человеке и способы толкования истории. Более того, в плане идеологии использованные древнерусские мотивы и образы устанавливали связь между есенинскими поэмами и древнерусскими памятниками, придав его поэмам дополнительные смыслы.

Обращение Есенина к фольклорным и древнерусским литературным мотивам и образам было определено и художественными исканиями поэта. На рубеже XIX-XX веков в России символизм стал крупным течением, оказавшим влияние на творчество многих художников, в том числе, и Есенина. От того, что в древнерусской литературе мотивы и образы часто обладают дополнительными смыслами, их заимствование в поэзии способствует

созданию собственных мифов и выражению своего размышления о войне и революции.

В поэмах «Марфа Посадница» и «Песнь о Евпатии Коловрате» широко использованы древнерусские мотивы, которые по тематике могут быть условно разделены на два мотивных блока: война и христианская вера.

Мотивный блок «Война» объединяет в себя мотив битвы-пира, мотив смертной чаши и мотив кровопролития. Использование таких мотивов содействует выявлению характеров персонажей: мотив битвы-пира подчеркивает кровожадность Ивана III, мотив смертной чаши – храбрость Евпатия Коловрата и готовность погибнуть в бою. К тому же, мотив кровопролития в поэмах позволяет рассматривать войну как страдание.

Мотивный блок «Христианство» включает в себя следующие мотивы: мотив противопоставления христианства язычеству, мотив небесного заступничества, мотив поражения битвы как Божье наказание и мотив самопожертвования. Использованные мотивы содействуют созданию новой мифологии. Объединение этих мотивов способствует выявлению смысла поэм: развитие истории определяется Божьей волей; в поэме «Марфа Посадница» создается неомифология – Марфин завет, в котором слышится есенинский революционный пафос; в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» аргументирована необходимость соблюдения Божьего закона для достижения победы в битве.

В есенинских поэмах встречаются рассмотренные в диссертации следующие образы природных сил, животного мира и предмета,

заимствованные из древнерусской литературы: образ волка, образ сокола, образ ковыля, образ молнии, образ вихря и образ колокола. Нами выявлены символические смыслы этих образов в древнерусской литературе: образ волка является одновременно символом нехристя и завоевателя; сокол символизирует удалого защитника отечества; ковыль связывается со смертью; молния воплощает страшную разрушительную силу, вихрь ассоциируется с созидательным движением; а колокол воплощает «тревожный набат об опасности или о войне», свободу и демократию. Выявление семантического смысла этих образов способствует интерпретации поэм. Методы функционирования этих мотивов в изученных древнерусских памятниках и в поэмах сходны. Они выступают в качестве символа и примера для сравнения. Их функции заключаются в вызове раскрытии характеров персонажей и определенного впечатления у читателей.

Есенинские образы Марфы Посадницы и Евпатия Коловрата также связаны с образами героев из древнерусских памятников. В есенинских поэмах Марфа Борецкая красива внешне, набожна и свободолюбива; Евпатий Коловрат выступает верным храбрым богатырем. Образы князя Ивана III и Батые у Есенина сходны между собой, оба хитры, распутны, преступают мораль и веру. В результате нашего исследования мы пришли к заключению, что есенинские герои его маленьких поэм не напрямую заимствованы из их древнерусских источников, а оказываются более тесно связанными с определенным типом древнерусского героя- воина, защитника своих земель в целом. Есенинская Марфа Борецкая героизирована поэтом, как и Евпатий

Коловрат, чей эпический образ восходит одновременно к «Повести о Рязани Батыем» и к фольклорным источникам. У Есенина он предстает в ряду явно положительных персонажей в общем образе верного защитника Руси, а образы Ивана III и хана Батыя в художественной интерпретации поэта объединяются с типичными для древнерусских литературных источников отрицательными образами завоевателей-антихристов. Методы создания этих образов в древнерусских произведениях и в есенинских поэмах связаны с использованием лексики, с изображением их действий, а также с авторским описанием. Их общее художественное своеобразие в плане образности заключается в приемах антитезы и типизации, на которых строятся обе поэмы, как и отдельные эпизоды в названных памятниках древнерусской литературы.

Изучая маленькие поэмы Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфа Посадница» как своеобразный художественный отклик на события Первой мировой войны, нельзя не заметить, что оба героя поэм воспринимались автором как выразители героического духа России. Отсюда и внимание Есенина к таким жанрам как героический эпос и те памятники древнерусской литературы, в которых присутствует воинская тема в ее преломлении через устную эпическую традицию.

Данная работа не исчерпывает все аспекты анализа связи Есенинской поэзии с древнерусской литературой и перспективы будущего исследования видим в следующем. Во-первых, это наличие в них архаизмов и историзмов. В обеих поэмах присутствуют следующие устаревшие слова: «лобызать»

(«Новгород мне вольный ног не лобызает!»)¹⁶⁰, «хоругвь» («Закраснели хоругви, образа засверкали»)¹⁶¹, «очи» («Встрепенулись *очи-голуби*»)¹⁶², «посолонь» («*посолонью* зачаведели»)¹⁶³, «пажить» («*Стонут пасишные пажити*»)¹⁶⁴ ... Во-вторых, сходные выражения между Есенинской поэзией и древнерусской литературой. В Есенинских поэмах наблюдаются выражения, которые близки к воинской повести, в особенности, к «Слову о полку Игореве». Сцена перед отправлением на поход в «Слове о полку Игореве» описывается так: «*Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве!*»¹⁶⁵, а в поэме «Марфа Посадница» — «*Кони ржали, сабли звякали*»¹⁶⁶. В «Повести о разорении Рязани Батыем» Евпатий с дружинниками разбились так храбро, что «татары думали, что это мертвые воскресли!»¹⁶⁷ Аналогично, в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» хан Батый боялся, что «Не рязанцы ль встали

¹⁶⁰ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 8.

¹⁶¹ Там же. С. 9.

¹⁶² Есенин С. А. Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 193.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 175.

¹⁶⁵ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4. СПб., 1997. С. 255.

¹⁶⁶ Есенин С. А. Марфа Посадница // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 9.

¹⁶⁷ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5. СПб., 1997. С. 147.

мертвые / На побоище кроволитное?»¹⁶⁸ Кроме этого, в конце поэмы «Марфа Посадница» обращение лирического героя к вихрю («*Выше, выше, вихорь, тучи подыми!*») ¹⁶⁹ напоминает призыв княгини Ярославны к Дунаю и к Днепру. Итак, наше исследование образной и мотивной связи малых поэм Есенина с памятниками древнерусской литературы показало, что на раннем этапе своего творчества, в предвоенные и военные годы, Есенин обращался к героическим эпизодам русской истории и, соответственно, к эпической традиции, к богатырской теме и теме вольности. Он стилизует свои поэмы под так называемый народный, «былинный стих» и одновременно включает в текст церковнославянские слова и понятия, связанные с жанром древнерусской воинской повести. Рассмотренные поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Марфа Посадница» показывают, что лирическое начало поэзии Есенина соединилось в них с эпическим.

¹⁶⁸ Есенин С. А. Песнь о Евпатии Коловрате // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 томах. Т. 2. М., 1995. С. 179.

¹⁶⁹ Там же. С. 11.

Список использованной и цитируемой литературы

Источники

1. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 7. Книга 1. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты / составление, подготовка текстов и коммент. А. Н. Захарова, С. П. Кошечкина. М.: «Наука» — «Голос», 1995.
2. *Есенин С. А.* Марфа Посадница // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворение (Маленькие поэмы) / подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М.: «Наука» — «Голос», 1995. С. 7-11.
3. *Есенин С. А.* Песнь о Евпатии Коловрате // Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворение (Маленькие поэмы) / подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М.: «Наука» — «Голос», 1995. С. 174-180.
4. *Есенин С. А.* Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе // Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворение (Маленькие поэмы) / подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. М.: «Наука» — «Голос», 1995. С. 193-202.
5. Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5.: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева. СПб.: Наука, 1997. С. 358-369.
6. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6.: XIV – середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева,

А. А. Алексеева. СПб.: Наука, 1997. С. 104-119.

7. Лѣто седмьдесятъ девятое мѣсяца июлиа и августа // Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994. С. 149-159.

8. Повесть о разорении Рязани Батыем // Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 5.: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева. СПб.: Наука, 1997. С. 140-155.

9. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 6.: XIV – середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева. СПб.: Наука, 1997. С. 138-189.

10. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 томах. Т. 4.: XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева. СПб.: Наука, 1997. С. 254-267.

Научная и критическая литература

11. *Александров С. С.* Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: филология. Журналистика. 2018. №2. С. 165-169.

12. *Афанасьев А. Н.* Поэтическое воззрение славян на природу: В 3 т. Т. 3. М.: Современный писатель, 1992.

13. *Бобрицких Л. Я.* Евпатий Коловрат в истории русской поэзии (Н.

Языков «Евпатий», Л. Мей «Песнь про боярина Евпатия Коловрата», С. Есенин «Песнь о Евпатии Коловрате») // Весник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 14-18.

14. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.

15. *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Сообщения Общества русского языка и словесности (СОРЯС). Т. 28. №2. СПб. 1881.

16. *Волкова Е. В.* Концепции мотива в современном литературоведении // Преподаватель XXI век. 2008. № 1. С. 89-94.

17. *Волосков И. В.* Православная символика в традиции древнерусской словесности // Восточно-европейский научный журнал. 2015. № 1. С. 58-60.

18. *Воронова О. Е.* Древнерусская житийная традиция в духовно-творческом наследии С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2009. № 12. С. 31-37.

19. *Воронова О. Е.* Жизнетекст С. А. Есенина в контексте традиции древнерусской житийной литературы // *Воронова О. Е.* Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2013. С. 97-124.

20. *Воронова О. Е.* О малоизвестном древнерусском источнике «Песни о Евпатии Коловрате» С. А. Есенина // Современное

есениноведение. 2010. № 13. С. 22-25.

21. *Воронова О. Е.* Творчество С. А. Есенина в контексте традиций русской духовной культуры: дис. ... д. филол. наук. М., 2000. 51 с.

22. *Дмитриева Е. В.* Отношения человека и природы в контексте православной веры // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре / отв. ред. С. Ф. Денисов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 229-233.

23. *Дудин А. А.* Этюд о чаше (из наблюдений над поэтикой «Песни о Евпатии Коловрате») // Современное есениноведение. 2004. № 1. С. 125-128.

24. *Еременко Н. А.* Философия нового религиозного сознания Н. Бердяева и художественно-философские взгляды С. Есенина // Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». 2020. № 10. С. 13-16.

25. *Еремин И. П.* Лекции по древней русской литературе. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968.

26. Есенин и русская поэзия / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1967.

27. *Жилина М. Ю.* Метасюжет судьбы лирического героя в поэзии С.А. Есенина: основные культурно-художественные коды и мотивные комплексы: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Омск, 2006. 20 с.

28. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Мир автора и структура текста. Tenaflly (N.J.): Эрмитаж, 1986.

29. *Захаров А. Н.* Поэтика Есенина. М.: б. и., 1995.

30. *Захаров А. Н.* Художественно-философский мир Сергея Есенина: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2002.
31. *Квартников П. В.* Реализация концепта «Родина» в лексемах «Русь», «Россия» в поэзии С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2012. № 22. С. 91-98.
32. *Кедров К. А.* Образы древнерусского искусства в произведениях С. А. Есенина // Есенин и современность. М.: Современник, 1975. С. 165-180.
33. *Козырева Т. В.* Особенности русского религиозного мировоззрения // Вестник угроведения. 2011. № 4. С. 93-98.
34. *Кузнецова В.* История на уроках есениноведения (Образы Марфа Посадницы в восприятии С. А. Есенина и Балашова) // Современное есениноведение. 2005. № 2. С. 157-161.
35. *Кузнецова Е. В.* Мир древних славян в культуре Серебряного века: научно-философская рефлексия и художественная практика: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2007.
36. *Лекманов О., Свердлов М.* Сергей Есенин: Биография. М.: Астрель, 2011.
37. *Летопись жизни и творчества Есенина С. А.: В 5 томах. Т. 1. 1895-1916 / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. М.: ИМЛИ РАН, 2003.*
38. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967.
39. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков:

эпохи и стихи. СПб.: Наука, 1998.

40. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV-XV вв. Л.: Наука. С. 67-121.

41. *Маркин П. Ф.* Языческий текст «Слово о полку Игореве» // Культура и текст. 2001. № 6. С. 52-64.

42. *Межебовская В. В.* Влияние древнерусской литературы на раннюю лирику С. Есенина // Актуальные проблемы современной филологии (к юбилею кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка). Оренбург: ОГУ, 2020. С. 100-109.

43. *Мекш Э. Б.* Поэма Сергея Есенина «Марфа Посадница»: традиции русской духовной поэзии // Современное есениноведение. 2006. № 4. С. 64–73.

44. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. Изд-во. Мир. Академический проект. М. 2012; СПб. 2021.

45. *Михаленко Н. В.* Небесный Град в творчестве С. А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

46. Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд / отв. ред. А. Н. Захарова. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2005.

47. *Никольский А. А.* К истолкованию текста поэмы С. А. Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 32-33.

48. *Никольский А. А.* Словарь диалектной лексики в поэзии С. А.

Есенина // Современное есениноведение. 2018. № 2. С. 53-63.

49. *Никольский А. А.* Словарь диалектной лексики в поэзии С. А.

Есенина // Современное есениноведение. 2020. №1. С. 43-48.

50. *Пименова М. В.* Лебедь: слово & символ // Язык. Культура. Этнос: сбор. статей: к 65-летнему юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. С. 62-71.

51. *Плешакова В. В.* Об одном библейском источнике в поэзии Ф. И. Тютчева и С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2004. № 1. С. 120–125.

52. *Попович М. В.* Мироззрение древних славян. Киев: Наукова думка, 1995.

53. *Прокофьев Н. И.* Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества: сборник статей. М., 1978. С.119-134.

54. *Прокушев Ю. Л.* Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М.: Молодая гвардия, 1989.

55. *Пяткин С. Н., Кочеткова К. А.* Исторические аллюзии в поэме С. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение. 2010. № 14. С. 47-51.

56. *Семенова С. Г.* Философская лира Сергея Есенина // Молодая гвардия. 1997. № 10. С. 226-262.

57. *Сенякова И. П.* Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Николая Клюева // Петрозаводский государственный

университет. 1994. № 3. С. 316-340.

58. *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Яз. славян. культуры, 2004.

59. *Скорыходов М. В.* «Песнь о Евпатии Коловрате» С. Есенина в энциклопедическом формате // Современное есениноведение. 2017. № 3. С. 22-24.

60. *Скорыходов М. В.* Ранняя биография С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2013. № 25. С. 19-39.

61. *Скорыходов М. В.* Сергей Есенин: Истоки творчества (вопросы научной биографии). М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2014.

62. *Скорыходов М. В.* Тема культуры и искусства в Есенинской энциклопедии // Сергей Есенин и искусство: Сб. науч. трудов / отв. ред. О. Е. Воронова, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 55—75.

63. *Скорыходов М. В.* Учебная литература в кругу источников поэтической образности С. А. Есенина // Библиотекословедение. 2015. № 5. С. 74-80.

64. *Солнцева Н. М.* Новокрестьянские поэты и прозаики: Николай Клюев, Сергей Есенин и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 2. / отв. ред. В. А. Келдыш. М.: Наследие, 2001.

65. *Субботин С. И.* Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: материал международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресс, 2006. С. 331-355.

66. *Сухов А. В.* Образы колоколов в поэмах Сергея Есенина // Современное есениноведение. 2012. № 22. С. 98-104.
67. *Сухов А. В.* Символика музыкальных образов колоколов и колокольного звона в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и поэмах Есенина «Марфа Посадница» и «Пугачев» // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 247-251.
68. *Тарасов А. Е.* О возможных источниках характеристики Марфы Посадницы в «Словесах избранных от святых писаний» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 134-135.
69. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.
70. *Топоров В. Н.* Миф, Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995.
71. *Трофимова Н. В.* Фольклорные образы и мотивы в древнерусском воинском повествовании // Литература Древней Руси и нового времени [Электронное издание] / сост. Н. В. Трофимова. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 38-47.
72. *Тюпа В. И., Фуксон Л. Ю., Дарвин М. Н.* Литературное произведение: проблемы теории и анализа. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
73. *У Даньдань* Традиции фольклора и авангард в поэзии С. А. Есенина 1910-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 27 с.

74. *Федосеева Т. В.* Образ Марфы Посадницы в повести Н. М. Карамзина и поэме С. А. Есенина: преемственность романтической традиции // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 148-154.

75. *Фидянина-Зубкова И.* Дословный перевод поэмы С. Есенина «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе». Интеллектуальная издательская система Ridero, 2019.

76. *Филатова О. А.* Поэма С. Есенина «Пришествие» и духовные стихи // Русская речь. 2011. № 3. С. 100–106.

77. *Фризман Л. Г.* Марфа Посадница в русской литературе // Известия российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. № 2. С. 20-33.

78. *Хабарова О. Б.* Древнерусские источники маленькой поэмы С. А. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 147–152.

79. *Хабарова О. Б.* Поэма Сергея Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» (перекличка мотивов и образов) // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 220-227.

80. *Хунарикова П. Х., Бачалова И. Б.* Историческая тема в поэзии Есенина // Интерактивная наука. 2016. № 1. С. 105-107.

81. *Элиаде Мирча.* Аспекты мифа./ Пер. с фр. В.П. Большакова. – 4-е изд. М.: Академический проект, 2010.

82. *Юдушкина О. В.* Библиизмы как основа поэмной лексики С. А.

Есенина. Функция православной мотивы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 2. С. 136–140.

83. Юнусова Н. К. Формирование эстетической концепции С. А. Есенина и ее воплощение в поэмах 1917-1920-го годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

84. Чжан Фангли. Элосыдэ есайнин яньцзюй донсян юй цзиньчжан: цзы ши жень дань шэн бай нянь и лай (Направления и результаты русского есениноведения: в течение столетия после рождения поэта). 张芳丽. 俄罗斯叶赛宁研究动向与进展: 自诗人诞生百年以来 // Вайго веньсюе донтай яньцзюй (Современное исследование иностранных литератур). 外国文学动态研究. 2019. № 5. С. 103–110.

Справочная литература

85. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006.

86. Биографический словарь. В 2 вып. / отв. ред. А. В. Слостенин. М.: МАНПО, 2000.

87. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

88. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 2002.

89. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006.

90. Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 3. «Д» -- Квартирьер. М.:

Военное издательство, 1995.

91. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедии, 1990.

92. Литературная энциклопедии: Словарь литературных терминов: В 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

93. Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.

94. Мифы народов мира. В двух томах. Гл. ред. С.А. Токарев. М. Советская энциклопедия. 1980-1982.

95. *Русова Н. Ю.* От аллегии до ямба [Электронный ресурс]: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта, 2018.

96. Русский биографический словарь: В 25 томах. Т. 3. Бетанкуръ – Бякстеръ. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1908.

97. Русский биографический словарь: В 25 томах. Т. 9. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1908.

98. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик. В.Л. Телицын, В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов. 2005.

99. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Ред. С. М. Толстая. М., 2014.

100. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012.

101. Словарь книжников и книжности Древней Руси. В 2 вып. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987–1989.
102. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 2. Часть 2. Л.: Наука, 1989.
103. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: «Просвещение», 1974.
104. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
105. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах. / Отв. Ред. О.В. Творогов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995.
106. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт. составитель А. А. Кононенко. Харьков: Фолио, 2013.